

Отголоски вечности / Echoes of Eternity (роман)

Низкое качество перевода

Возможно, текст этого перевода не отвечает стандартам качества Гильдии. Читайте на свой страх и риск.

Перевод в процессе: 4/36

Перевод произведения не окончен. В данный момент переведены 4 части из 36.

Отголоски вечности / Echoes of Eternity (роман)

Автор	Аарон Дембски-Боуден / Aaron Dembski-Bowden
Переводчик	Alkenex
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора: Осада Терры / Horus Heresy: Siege of Terra
Предыдущая книга	Garro: Knight of Grey (новелла) Боевой Ястреб / Warhawk (роман)
Год издания	2022

Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Экспортировать	PDF , EPUB , FB2 , MOBI

□

Содержание

Действующие лица

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ - ОРДА

ОДИН - ВОСХОД КРАСНОГО СОЛНЦА

ДВА - СЛОМЛЕННЫЙ ГЛАДИАТОР

ТРИ - БОГИНЯ С КОПЬЁМ В СПИНЕ

ЧЕТЫРЕ - ПУТЬ К СЛАВЕ

ПЯТЬ - БЕССМЕРТИЕ ЧЕРЕЗ УНИЧТОЖЕНИЕ

ВТОРАЯ ЧАСТЬ - МИР ОСЛЕП

ШЕСТЬ - ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК НА ТЕРРЕ

Действующие лица

Император, Повелитель Человечества, Последний и Первый Владыка Империиума

Хор, Мастер Войны Империиума, Сосуд Пантеона

Примархи

Ангрон, Владыка Красных Песков, возвышенный князь демонов Кхорна, примарх XII Легиона

Магнус Красный, Алый Король, возвышенный князь демонов Тзинча, примарх XV Легиона

Рогал Дорн, Преторианец Терры, примарх VII Легиона

Сангвиний, Архангел Баала, примарх IX Легиона

Вулкан, Последний Страж, примарх XVIII Легиона

Легио Кустодес, «Последние из Десяти Тысяч»

Диоклетиан Корос, трибун

Ханумараси, воин-гикатаной

I Легион «Темные Ангелы»

Корсвейн, регент-командующий Полой Горы

III Легион «Дети Императора»

Деифоб, воин 32-й роты

V Легион «Белые Шрамы»

Шибан-хан, «Тахсир», регент-командующий космопорта Львиных Врат

VI Легион «Космические Волки»

Рюкат, «Врагов-Не-Осталось», воин отряда «Крик Тоскующего Дракона», рота Тра

VII Легион «Имперские Кулаки»

Архам, владыка хускарлов

Фафнир Ранн, подчиненный командир бастиона Бхаб

IX Легион «Кровавые Ангелы»

Зефон, «Несущий Печаль», бывший экзарх Верховного Воинства

Нассир Амит, «Расчленитель», доминион Пятой ударно-штурмовой роты «Секуторы»

Анзараэль, «Несущий Гнев», экзарх Верховного Воинства

Галлен Ул'заен, магистр связи, Пятая ударно-штурмовая рота

Орион, дредноут-контемптор

Эристес, легионный раб, помощник

Шафия, легионная рабыня, носильщица оружия

Шенкай, легионный раб, носильщик оружия

XII Легион «Пожиратели Миров»

Каргос, «Плюющийся Кровью», аптекарь Восьмой штурмовой роты

Кхарн, центурион Восьмой штурмовой роты

Лотара Саррин, капитан флагмана «Завоеватель»

XVI Легион «Сыны Хора»

Кенор Аргонис, конюший Мастера Войны

XVI Легион «Лунные Волки»

Эзекиль Абаддон, первый капитан, предводитель юстэрианцев

Тарик Торгаддон, второй капитан

XVII Легион «Несущие Слово»

Инзар Тайр, капеллан капитула Костяного Трона

Имперская Армия

Давинн Кото, капрал класса примус

Дзя-Хэнь Уквар, призывник, Восьмой нешамерский мотопехотный полк

Лорелея Келвир, призывник

Марлус Зенир, призывник

Силас Энварики, сержант 12-го полка Гелианских Стрелков

Таник Машраджеир, капрал 91-го полка индустанского воздушного десанта

Имперские персонажи

Малкадор Сигиллит, Регент Империи

Церис Гонн, дознаватель

Адептус Механикус

Архан Лэнд, техноархеолог

Трансакта-7И1, скитарий макроклады «Тр1.акс»

Магна-Дельта-8в8, скитарий макроклады «Ин.7лиус»

Сапиен, хомоподобный

Шива Макул, принцепс титана типа «Разбойник» «Иракундос» из Легио Игнатум

Мастол Вурир, дьякон-машиновидец титана типа «Разбойник» «Иракундос»

Марсианский Механикус

Ульенни Груни, принцепс титана типа «Боевая гончая» «Хиндара» из Легио Аудакс

Химмар Кул, модератус титана типа «Боевая гончая» «Хиндара» из Легио Аудакс

Отеш Ралин, модератус титана типа «Боевая гончая» «Хиндара» из Легио Аудакс

Нерождённые

Ка'бандха, чемпион Ратного Бога

Варак'суул, Убийца Тримира

«Нет зверя свирепее, чем человек, если к страстям его присоединяется власть»

— Луций Плутарх, древнегреканский солнечный жрец

«Похищать, убивать, грабить – это на их лживом языке называется управлением, а когда всё превращают в пустыню, это они называют миром».

— Тассат из Этрusco-Романийского королевства, доисторический философ

«Сангвиний хранит верность отцу из-за безупречной любви и безупречного благородства, и будь это все, его еще можно было бы обратить или убить, как ты того хочешь, сын мой. Но ты не

задумываешься о том, что он также верен из-за абсолютного страха. Он боится причины, по которой обладает крыльями. Боится того, что они могут олицетворять. Боится, что при его создании что-то пошло ужасно не так, и боится эффекта, который это могло оказать на его генетических сыновей.

Неуверенность, которая, быть может, привязывает Сангвиния к Императору сильнее, чем всех прочих сыновей, состоит в том, что он думает, будто должен доказать больше всего.

Более всего нужно было доказать варвару с Нуцерики, но он никогда не хотел соответствовать ожиданиям Императора. Такую судьбу он расценивал даже хуже, чем неудачу. Для него это стало бы ничем иным, как вторым рабством.»

— труды примарха Лоргара

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ - ОРДА

ОДИН - ВОСХОД КРАСНОГО СОЛНЦА

Лотара

Война закончилась.

Имперский Дворец был мёртв. Он являл собой архитектурную застройку, от чьих масштабов перехватывало дыхание; мраморную корку размером с континент, покрывающую евразийский массив суши и тянущуюся от засушливого восточного побережья до опустевшего западного моря. Ныне же Дворец превратился в руины, не подвергшиеся уничтожению регионы оказались загрязнены, а не оставленные секторы объяло пламя.

Вся эта священная порода пошла в отвал. Использованный при строительстве камень имел не только терранское происхождение. Свой вклад внесла и Луна, и Марс, и еще множество лун, что вращаются в космосе, танцуя свой степенный балет вокруг газовых гигантов системы Сол. Долгий путь экзосистемных камней заканчивался здесь, на Терре, но начинался он на заново открытых и завоеванных мирах, чьё население знало о Старой Земле лишь по передаваемым шепотом мифам и теперь добывало мрамор для дворца, который эти люди никогда не увидят.

Но больше всего собственных костей для проекта отдала сама Терра. Её уже разграбили в Темную Эпоху Технологий и покрыли шрамами от непостижимых разрушений, случившихся в последующую Эпоху Раздора, однако она пострадала вновь, когда имперские амбиции разработали и опустошили кору. Народ Императора вырвал из планеты драгоценную породу, оплаченную потом рабов, заключенных и сервиторов, и Терра отдала свои кости, пусть у неё и не было особого выбора. Камень вытягивали под взором адептов, загружая в понукаемые кодом имперские машины.

Отполированный. Отшлифованный. Обработанный. Превращенный в искусство архитекторами. Претворённый в реальность рабочими. Ставший зубчатыми стенами благодаря солдатам.

И теперь ничего не осталось. Континент сравнивали с землей, а полушарие обратили в руины.

Единственная башня падёт, и пыль от неё заполнит городской квартал на многие часы. Предсмертный дым двух обрушивающихся шпилей окутает район на многие дни, обращая воздух в серую пыль. Однако, наблюдатель, что сейчас дрейфует над опустошением Терры, не увидит падения одинокого шпиля или гибель всего двух башен. Дворец богов и полубогов подвергся разрушению. Этот наблюдатель увидит лишь последствия: пыль, пыль, пыль – от горизонта до горизонта.

Как гласила аксиома из более просвещенной эпохи, *Общество становится великим, когда старики сажаят деревья, зная, что в их тени им уже никогда не отдохнуть*. Данное изречение говорит не только о жертве, но и о мечте. О будущем, рожденном в деяниях альтруистичных мертвецов. Без подобной жертвы и лишенная мечты, ныне Терра пылала из-за оружия, которое приобрело форму людей.

В высотах, куда жизнь не может вскарабкаться без помощи, выше самых тонких границ атмосферы, на орбите стоял бросивший якорь флот Мастера Войны.

Космос больше не был пустотой. Некогда за пределами Терры находился холодный вакуум космоса, который теперь сгустился от просачивания нереальности. Цвета без названий протягивали свои щупальца вокруг армады, обвивали корабли когтистым туманом и погружали свои подернутые дымкой протуберанцы в экзосферу планеты.

Пустотная мгла сливалась в фигуры и формы, что были в тысячи раз крупнее самих кораблей; в вырисовывающиеся обещания наблюдающих богов. В той мгле открывались и закрывались глаза размером с луны, обнажались зубы длиной с континенты, а гигантские крылья, способные затмить солнце, расправлялись, складывались, сгнивали и вырастали вновь. Суда на орбите поглощали этот туман, чья пропитка искажала их металлические конструкции. Открыть вокс-канал означало услышать горящие души.

В других местах галактики беженцы из расы аэльдари на своих искусственных мирах узнают эти образы нереального чуда. Переплетенные варп и реальность, ориентированные на ядро абсолютного страдания, окажутся слишком знакомы их провидцам. Именно так века назад сей вид породил собственное гибельное божество. Именно так умерла их империя.

Тысячи членов экипажа взирали на токсичные небеса и мир под ними, взирали на то, как их победа обращалась в пепел. Терра умирала. Саванты и научные работники Нового Механикума Кельбора-Хала могли постичь точные нити уничтожения, ухватить тонкое равновесие жизни и физических процессов, отброшенных во имя цареубийства, однако истина была очевидна каждому. Всякий, кто выглядывал в орудийный порт или смотрел через широкие окна командной палубы, отчетливо это видел.

Не нужно быть экспертом, чтобы понять – война убила Терру. Достаточно просто иметь глаза.

Лотара Саррин наблюдала за погубленным миром с мостика боевого корабля «Завоеватель». Ссутулившись, она сидела на своем командном троне, а её ухудшившийся внешний вид говорил о том, что женщина находилась на самой грани смертельного обезвоживания. Лотара смотрела на мир, который помогла разрушить.

Когда-то она была гордой. Она праведно отдавалась восстанию, хранила верность высоко ценившему её Легиону, экипажу под своим началом и солдатам, коих защищала. Она была убийцей флотов, охотницей звезд, командующей одним из самых могучих кораблей, когда-либо задуманных и созданных человеческой изобретательностью. Ей послушной список украшали клятвы и похвалы, а форму отмечала Окровавленная Рука Двенадцатого — наивысшая честь, которую мог получить от Легиона смертный.

Лотара до сих пор хранила верность. Даже когда безумие кралось по её кораблю, она оставалась верной. Даже когда Пожиратели Миров буйствовали в помещениях и залах, вырезая собственных сервов и рабов. Даже когда ей пришлось казнить воинов, вместе с которыми Лотара служила многие годы, и которые потеряли веру в путь Мастера Войны. Даже когда каждая капля воды в резервуарах экипажа оказалась испорченной кровью. Даже когда её ночи превратились в бессонные приступы эпилепсии с мерцающими, быстро возникающими и проходящими кошмарами, вызванными кричащими из теней судна мертвыми товарищами, что были обречены скитаться призраками. Даже когда деградирующий «Завоеватель» начал постепенно входить и выходить из реальности, а целые участки смертоносного корпуса отдавать тошнотворным запахом варп-коррозии. Даже когда кожа женщины принялась отслаиваться из-за ран, вызванных проявлением её грехов на поверхности плоти.

Лотара Саррин поклялась в верности до самого конца, и теперь конец настал. Она не ожидала, что он будет выглядеть подобным образом.

В её глазах отражался нездорово-серый шар с ореолом фиолетового безумия. Не видно ни земельных массивов, ни признаков жизни. Всё скрывал слой нечистого мрака. Сканеры «Завоевателя», когда они вообще функционировали, не могли пронзить пыль. Терра выглядела не как Терра, а как Венера. Планета задыхалась под похожим грязным небом.

В сумбурных отчетах анализировалась омрачённая атмосфера. Мраморной пыли в воздухе было столько, что она уничтожала любую надежную вокс-связь, но это было ничто по сравнению с истинным ущербом. Частые ядовитые испарения вихрями поднимались над миллионом взрывов на поверхности и орбитальными залпами, терзающими богатую природным коксом земную кору Терры. Попадания и разрывающий мир жар от оружейного огня армады Мастера Войны разрывали Дворец, оставляя воронки и прокладывая глубокие расселины в окружающих территориях. Умиравшие титаны также вносили вклад своими лебедиными песнями – их сердца-реакторы обращались в новые звезды, когда те ложились в руинах, ставших могилами для провалившихся походов машин.

Всё это лишь усиливалось, когда воспламенялись и перегорали газы, которые покоились в стабильном состоянии под землей. Такие созданные взрывами поры на коже Терры порождали элемент, известный мудрецам Марсианского Механикума как *сульфа диоксид*. Химические щупальца сего яда извивались в загрязненных небесах, губя их еще сильнее и делая более едкими.

И это было не всё. Земля истекала лавой из гноеточивых нарывов, а пирокластические потоки горящего газа и вулканической тефры, хлещущие из расщепленной поверхности, окутывали охваченные войной регионы стремительно рассеивающимся дымом и грязью. Засорившие воздух пепел и пыль теперь соединились, напластованные, но неразделимые, они превратились в бледно-серую завесу, лишавшую обзора и дыхания. Пылевая паста облепила легкие миллионов выживших. Оставаясь вне Дворца без изолирующих противогазов люди просто-напросто задыхались, но идти было некуда.

Кроме того, разрушение Имперского Дворца высвободило химикаты, которые использовались заброшенной промышленностью Терры. Разгерметизация нескольких дворцовых фабрик вызвала утечку технологического вещества, обозначенного как *мэфал айсоцианит*. Этот газ припадал к земле с хищническим намерением, едва ли не говорившем о разумности, заполнял нижние уровни оставшихся бастионов и растворялся в глазах да глотках защитников невидимой приливной волной химической отравы. Он ослеплял, обжигал и убивал за считанные часы. Астартес могли пережить его воздействие, хотя газ все равно изувечил многих из них. Ордам человеческих защитников и беженцев повезло меньше.

Последней, но далеко не самой меньшей опасностью стала радиация. По чьему-то замыслу или просто из-за несчастного случая, но за время войны оказались вскрыты подземные хранилища с безымянными материалами Темной Эпохи. Множество газообразных элементов, со вздохом вырвавшихся из тех древних бункеров, были едва понятны и не поддавались нынешнему соглашению о наименованиях, однако их радиоактивное заражение стало губительно знакомым. Они являли собой смерть, заключительный кошмар из прошлого, самое последнее дыхание забытой эпохи.

Лотара взяла последний увиденный ею отчет и передала одному из немногочисленных мудрецов Механикума, оставшихся на борту «Завоевателя». Его аугметика покрылась ржавчиной, которая раздражала омерзительную кожу, а вены, походившие на разряды молнии, явно говорили о септицемии. Ответ ему пришлось ввести на кнопочной панели для речи, так как вокодер разложился и не подлежал ремонту. Он даже не ступал на поверхность мира; всё это сделал с ним «Завоеватель».

Лотара трижды прочитала напечатанный им ответ, дабы убедиться и точно понять, что именно война делала с Террой. И вот оно – мир был разбит размальвающей совокупностью всех факторов. Абсолютное уничтожение колыбели человечества. Война, объявляющая огнем галактику, теперь покрывала каждый дюйм поверхности Терры, омрачала её небеса и врезалась в минеральную плоть планеты.

Однако её внимание упорно привлекала не слепота и не токсичное воздействие, а одна из простых, прямолинейных оценок техножреца в середине его анализа. Он подробно изложил, как элементы *сульфурика* из ран мира просачивались в воздух и рассеивали входящий свет Сола в видимой людям части спектра. Данное объяснение придавало короткой заметке однозначный смысл:

Для тех, кто находится на поверхности, солнце стало красным.

Лотара никак не могла избавиться от этого образа.

Теперь она смотрела с орбиты через экран окулуса туда, где серая завеса скрывала целую планету. Они прибыли захватить Тронный Мир, а вместо этого обернули его в погребальный саван.

— Кхарн, — прошептала Лотара сухим от жажды голосом.

Впервые за многие часы, или, возможно, дни, она заговорила вслух. Ближайшие к ней члены экипажа не обратили на это никакого внимания. Они горбились над своими консолями, затерявшись в собственной боли.

— Кхарн? — повторила Лотара.

Кхарн стоял недалеко от её командного трона. Его лицо представляло из себя рассеченную путаницу шрамов и боевых скобочных швов. Он ничего не сказал. Он больше никогда ничего не говорил.

Сжавшийся желудок стал единственным предупреждением, которое она получила. Внутренности всколыхнулись с такой силой, что её скинуло с трона и бросило на колени, в ушах звенело от давления, а меж разомкнувшихся губ протянулись ниточки слюны. Лотара закричала от внезапной боли и поднимающегося в горле яда, после чего вопль женщины сменился горячей струей рвоты, со шлепком ударившей по палубе.

Ловя ртом воздух, она взглянула на свою последнюю полупереваренную трапезу. Лужа водянистой желчи, несколько лоскутов слизистой оболочки желудка и три чьих-то пальца.

На несколько драгоценных секунд неверие пересилило изнеможение. Лотара отскочила от лужи и

принялась затаскивать себя обратно на трон. Всего лишь выходка её бессонного разума. Вот и всё. Вот и всё.

Кхарн подошел к капитану флагмана и опустился на колени, чтобы сравняться с ней. Он не предлагал руку помощи, пока женщина тянулась к трону на дрожащих конечностях. Космодесантник не был вооружен, и Лотара не могла припомнить, видела ли она его без топора прежде. Когда капитан взглянула на лоскутную развалину его лица, из глаз женщины потекли тонкие струйки крови.

С этими нечестивыми слезами её страдающее от жажды и шелушащееся тело потеряло еще больше ценной жидкости.

— Кхарн, — прошептала она. — Что мы наделали?

Такой же вопрос задавался и на Терре, и над ней, мужчинами и женщинами по обе стороны конфликта.

У Кхарна же ответа не было.

ДВА - СЛОМЛЕННЫЙ ГЛАДИАТОР

Каргос

Где-то среди той пыли, в слабеющем свете багрового рассвета охотился гладиатор. Он шёл шатаясь, а срываясь на бег постоянно оступался. От хоть какого-то чувства изящества, которым он некогда обладал, ныне осталось лишь расщеплённое воспоминание. Его движения походили на движения инфицированного животного, а разум сгорал в огне позывов, что поглощали рассудок. Украшенный гребнями шлем гладиатора живо поворачивался из стороны в сторону звериными рывками. Гладиатор двигался так, словно страдал бешенством.

Разбитые враги спасались бегством. Это случилось минуты назад. Часы назад. Дни. Сейчас он их не видел и не был уверен, в какую именно сторону те убежали. Сочленения его доспеха сердито ворчали, когда голова гладиатора резко дергалась к теням в пепле и звукам, приглушенным до состояния нереальности. Цепной топор покоился в бронированном кулаке, но оружие принадлежало не ему. Он даже не помнил, где нашел его. Иногда зубья топора рычали, сгрызая грязный воздух, а кровь, покрывавшая клыки оружия, высохла и превратилась в песчанистую пасту.

Гладиатор носил имя, хотя в тот момент он едва ли его знал. Еще он выполнял почетную и жизненно важную роль в рядах своего Легиона, которая была чем-то, что вымыло из головы давлением в черепе. Имплантированная вплотную к его мозгу машина боли вгрызалась глубоко и представляла из себя щелкающего паразита, трапезничающего центральной нервной системой.

Он вглядывался в пыль пуская слюни. В такие моменты, которые приходили все чаще и чаще, гладиатор был не столько мыслящим существом, сколько сосудом, переполненным внезапными желаниями сиюминутного инстинкта.

Тик-ток, тик-ток, пели Гвозди Мясника, посылая в мякоть его разума покалывающие электрические сигналы. Это боль, уверяла машина, и ты будешь чувствовать её до тех пор, пока я не позволю тебе ощутить наслаждение. И потому он, словно акула, торопился и продолжал движение. Остановка порождала острые поцелуи импланта глубоко внутри черепа, там, где гладиатор не мог почесать.

Всё менялось. Всё уже изменилось. Машина боли пересоставляла карты разума, расстраивая химические мыслительные процессы. Некогда адреналиновое насилие дарило экстаз, теперь же приносило лишь слабое облегчение. Да, бесценное, но едва ли его можно было сравнить с прежними ощущениями. Раньше гладиатор преследовал чувство самозабвенного восторга, а сейчас гнался за дразнящими ласками успокоения. Их никогда не хватало для достижения настоящего удовольствия, не хватало даже близко, но, по крайней мере, с ними прекращалась и боль.

Его броня являла собой доспех из собранных с мертвецов частей, к чьей поверхности цеплялся слой пепла. На протяжении многих лет он носил белый керамит с крестоносной геральдикой XII Легиона, и сейчас этот ублюдочный комплект, в котором была запечатан гладиатор, лишь наполовину состоял из своих изначальных компонентов. Он не помнил, как перекрашивал броню, и не помнил, чтобы давал сервам разрешение сделать это вместо него, однако, те небольшие участки, с которых ненадолго сметало пыль, являли взору артериально-красный цвет вместо знакомого грязно-белого.

Да, всё менялось.

И данное обстоятельство его не беспокоило. Быть может, потом, обременившись настоящим грузом размышлений, но в редкие моменты, когда он обращал свой разум в том направлении, Гвозди начинали грызть достаточно сильно, чтобы вызвать мышечный тремор. Они обещали гладиатору покой лишь если он будет бежать, реветь, убивать, калечить, жечь, и поэтому он делал всё это когда мог, либо же пьянел от боли, когда не получалось.

В какой-то смутно припоминаемый момент времени гладиатор попытался вскрыть себе череп ударами о стену, ритмично впечатывая лоб в разбитый мрамор и рассчитывая вытянуть из своей головы эту мерзость. Поначалу сработало, но затем боль вернулась, став в два раза мучительнее. То было наказание за его членовредительство. Кара за попытку самоубийства.

Гладиатор зашагал вперед, и движение умиротворило Гвозди.

В пепельных пустошах он был не один. Его братья, а также создания, которые ими притворялись, сбились вокруг него неплотной группой. Вместе, но одновременно и обособленно, они проходили сквозь мглу. Одни были сотканы из огня, другие были сотворены из крови, принявшей форму чудовищ. Некоторые уже целую жизнь приходились ему братьями, а кто-то лишь носил кожу родичей гладиатора.

Аптекарь.

Он услышал это слово, когда поднялся на осыпь загрязненных булыжников. Сам звук был знакомым, хотя и не его значение. Отравленные камни соскальзывали под весом сапог гладиатора. Гибель стене принёс артиллерийский огонь, причем достаточно недавний, так как она все ещё дымилась. Он принялся подтягивать себя вверх по разбитому склону, а почувствовавшие решимость гладиатора Гвозди, путь и могли бы проявить милосердие, все равно пронзили его. С губ сорвалось животное мычание: непроизвольное, искреннее и обречённое.

Аптекарь. Вновь это слово. Оно задерживалось в его искаженных мыслях, словно хотело что-то значить.
Аптекарь. Аптекарь. В следующий раз гладиатор услышал, как его громко прокричали:

— Аптекарь!

Оно означало имя. Или проклятие.

Гладиатор прекратил подъём и обернулся, высматривая в пыли силуэты братьев и крадущихся существ,

которые заявляли, что они его братья. Те кучкой стояли в начале склона из булыжников, а их доспехи больше не были красными. Пепельно-серая пыль вернула его товарищам-легионерам их изначальную грязно-белую геральдику.

— Каргос! — заорал ему один из них.

В один миг слова вновь наполнились смыслом. Гвозди кололись, словно глумясь над возвращением к нему мыслительных процессов, однако их мандибулы затуплялись о самосознание, что тонкой струйкой вливалось в гладиатора.

Гладиатор — *Каргос*, подумал он, *Я - Каргос* — попытался вызвать их по воксу, однако в эти дни вокс-сеть была бесполезна. Через голосовую решетку вырвался его ответный крик, слова были усилены и звучали грубо.

— Кто зовет?

Ответ был не ответом вовсе, а требованием.

— Медик!

Каргос наполовину соскользнул вниз по скалобетонным булыжникам. Скопление силуэтов приобрело очертания, а затем превратилось в фигуры его братьев. Его настоящих братьев, а не существ, претендующих на братство.

Пало двадцать девять родичей Каргоса. Их тела оттащили выжившие, которым хватило здравомыслия сопротивляться песне Гвоздей. Каргос окинул взглядом лежащие неплотными рядами изломанные останки, уже завернутые в саван из серо-белой пыли. Доспехи покойников отмечали попадания болтов и разрывы от ударов цепными клинками, через разорванный керамит виднелось исковерканное мясо.

Каргос обратил свой взор на выживших, тех Пожирателей Миров, что еще стояли на ногах. Остальные ступали мимо них в пыли, взбираясь на склон из булыжников и выискивая добычу по приказу машин боли, которые вгрызались в их мозги. Даже те, кому хватало самоконтроля работать с мертвецами Легиона, страдали от яростных спазмов и судорог. Эта заупокойная служба, столь же грубая и небрежная, как и любой другой ритуал XII Легиона, требовала предельной концентрации от тех, кто был способен выполнять её.

— Чего ты ждешь? — проворчал один из них.

Из-за корки пыли на доспехе Каргос не смог определить личность воина.

— Собери с них жатву, — приказал воин.

Каргос опустил взгляд на собственную броню, на пустой пояс и бандольер. Когда именно он потерял орудия своего ремесла? Металлические пузырьки со стимулирующими сыворотками и боевыми наркотиками исчезли, а от нартециума осталась лишь разбитая развалина. Попадание болта превратило его в оболочку без инструментов, дисплей сканера треснул и стал чёрным, а соединение с источником электропитания доспеха отсутствовало. Бесполезной была даже кнопочная панель на наруче, места с отсутствующими клавишами складывались в отчаянную беззубую улыбку.

Неважно. Для сбора жатвы ему не требовались специальные инструменты, он мог воспользоваться своим ножом. Процесс извлечения органов будет сложнее и рискованнее, но Каргос уже делал это прежде. Просто нужно было работать быстро и аккуратно, чтобы загрязненный пеплом воздух не заразил

вытащенные наружу мясистые узлы.

Аптекарь склонился над первым телом и достал нож. С таким оружием простой смертный мог идти на войну, но в хватке Каргоса он был лишь зазубренным и потускневшим тесаком.

— Кто это был? — спросил Каргос у братьев.

Ему не ответили. Аптекарь чувствовал, как они шаркали в пыли, с трудом заставляя себя оставаться с мертвыми вместо того, чтобы двигаться дальше в поисках добычи. Возможно, Пожиратели Миров просто-напросто не знали, кто умер; отделения оказались рассеяны, вокс не работал, а пыль стала для них великим уравнителем, обратив всех в призраков самих себя. Сейчас едва ли имело значение кто кем был.

Каргос потянулся к примагниченным к поясу герметичным ячейкам – армированным керамитовым цилиндрам с внутренним охлаждением, которые были отмечены рунами нагراكли. Он носил с собой десятки таких, и каждая являлась капсулой для прогеноидов павшего брата Легиона. После сбора геносемени убитый мог обрести жизнь в создании нового поколения воинов, и за месяцы войны Каргос вытащил прогеноиды из горла и груди многих своих родичей.

Вот только сейчас пальцы задевали голые керамитовые пластины. Он больше не носил с собой десятки цилиндров, их осталось три, да и те оказались пробитыми и пустыми.

Пробежавший по коже Каргоса мороз оказался настолько сильным, что остудил даже жгучую боль, вызванную в затылке Гвоздями. На этой войне и так погибло множество легионеров, чьи прогеноиды так никто и не извлек. Сколько же успел собрать Каргос лишь для того, чтобы затем потерять их генетическое наследие в судорожном небытии между вспышками ясности? За это он мог умереть. В лучшие и более вменяемые времена его Легион казнил аптекарей, повинных в столь серьезном проступке. Мог казнить и сейчас.

Каргос почувствовал на себе взгляды братьев. Он знал, что те до сих пор держали в руках оружие.

— Я не могу, — признался им аптекарь. — Я не могу этого сделать.

Они продолжали молчать, и Каргос ощутил на себе бремя их безмолвного осуждения. Аптекарь поднялся на ноги для принятия приговора. Гладиаторы всегда храбро встречали свою судьбу, ибо лишь трусы умирали на коленях.

Но там никого не было. Остальные Пожиратели Миров исчезли. Их поглотила пыль, если они вообще когда-нибудь тут находились. Каргос опустил взгляд и увидел, что тела тоже пропали. Он стоял в пыли один. Стоял в абсолютном одиночестве.

Да, один, но с резким пощипыванием вдоль спинальных нервов. Гвозди кусались, даря стимулирующую пульсацию боли и обещая еще больше, если аптекарь продолжит стоять. Шатаясь и оступаясь, он развернулся, более не являясь Каргосом. Теперь он вновь был гладиатором.

Посреди пепла время шло странным образом. В какой-то момент путешествия вокруг шатающегося Каргоса возникли фигуры. Горстка превратилась во множество, а затем этих многих стало хоть отбавляй. Каргос знал, что некоторые принадлежали к его Легиону, в то время как другие нет, и видел четкое различие между воинами – одни видели, куда они идут. Аптекарь со своими братьями были слепы, но вот

создания, которые притворялись братьями и сестрами Каргоса, видели достаточно, чтобы охотиться. Пускающие кровь существа рыскали впереди орды; безмолвный крик Императора лишал их сил, но они все равно замечали блеск жизни в удушающей пыли и тянули за собой войска Мастера Войны. Твари направлялись к Санкту Импералис, где оставшиеся организованные защитники собирались в последней крепости.

Это была настоящая волна. Сотни тысяч воинов, солдат и демонических существ сливались в волну напитанного богами намерения. Теперь звание мало что значило среди смертных каст орды; военная сплоченность оказалась практически разрушена и превратилась в миф. Они шли шатаясь, оступались, а некоторые даже бежали. Здесь были воины из каждого Легиона Мастера Войны, сформировавшие бурлящее воинство обеспеченных разумов и больных душ. Некоторые ликовали в своих кандалах божественного рабства, другие же ошибочно верили в то, что они свободны, но какая разница. Раб остается рабом даже если он увенчал себя королевской короной.

Несмотря на притупившийся от боли Гвоздей рассудок, Каргос все равно чувствовал, как меняется атмосфера. Сейчас завеса между мирами была так тонка. Нерожденные проскрестили себе путь в реальность простыми обрывками мыслей, а одна единственная капля крови, упавшая на разбитую землю, порождала кошмары.

Император слабел.

Только вообразите себе подобное.

Это шепотом произносили нерожденные. Это кричал Ангрон. Это обещал Хор. Скоро наступит час разрушить стены последней крепости.

Что-то пронзило запачканное кровью облако мыслей Каргоса. Опять его имя. Кто-то недалеко произносил его имя, и уже не в первый раз.

Это был Инзар. Инзар из XVII, который носил истёртый песчинками доспех и привязывал оружие к броне цепями в знак времени, проведенного им вместе с XII. Пергаменты, всё еще цеплявшиеся за его доспехи, исцарапались и выцвели, превратившись в изорванные узкие полоски. Он крепко схватился за наплечник Каргоса, не давая тому двигаться вместе с ордой.

— Я так и подумал, что это ты, брат. — Даже спустя все прошедшие годы голос Инзара, проходивший через вокалайзер шлема, оставался таким же низким и знакомым урчанием. Каким-то образом он пробивался сквозь ветер. — Как же приятно видеть тебя сейчас, когда наш триумф так близко.

Каргос не знал, что ответить, ибо ничего из этого не ощущалось как триумф, поэтому он промолчал. Инзар продолжал держаться за наплечник Пожирателя Миров. Направляющая рука.

— Идём со мной, Каргос. Ты потерялся. Я помогу тебе.

Безмолвный аптекарь пристально смотрел глазами, что обладали собственным пульсом. Он смог заговорить лишь с третьей попытки, и у него получилось произнести только три слова.

— Так ты настоящий?

Инзар издал утробный звук, который вполне мог быть смехом.

— Идем со мной, друг мой.

— Нет. — Каргос облизнул потрескавшиеся губы и ощутил вкус крови. — Ответь мне. Ты настоящий?

В этот раз смеха не было, лишь кивок, жест понимания.

— Я настоящий.

Каргос мешкался еще несколько секунд, ибо нерожденные уже лгали ему прежде, после чего последовал за Инзаром.

Совет созвали в пустошах, и собрали его вокруг тех офицеров и членов свит, что еще сохраняли собственный рассудок. По краям собрания гроыхали тени танков, а воины каждого Легиона стояли рассредоточенными группами. Теперь их объединяли не отцовские кровные линии, а новообретенная преданность. Каргос был одним из них. Он оставался рядом с Инзаром из-за их близкого, пусть и вымученного знакомства, и наблюдал болящими глазами за первыми признаками порядка среди беспорядка, который, как ему казалось, он видел уже целую вечность.

Злобные приглушенные голоса задавали вопросы, а ответы произносились таким же тоном. Невозможно было установить четкую иерархию без вокса и без информации о том, где находились те или иные полки, каким Легио титанов удалось подтянуться и преодолеть развалины Последней Стены, какие силы Астартес собрались в павших районах Внутреннего Дворца. Тем не менее, уже хоть что-то. Волны формировались в прилив, становясь частью естественного ритма орды: созывались собрания могучих воинов вроде этого, банды стягивались для последнего штурма.

Упоминались имена первых капитанов и подмечалось их отсутствие. Ариман. Тифон. Абаддон. Еще сражаются где-то или уже мертвы? Никто не мог сказать.

А что насчет Рогала Дорна, Преторианца Императора? Что насчет Джагатая-хана и Ангела Крови? Трепетали ли они внутри Санктум Империалис, ожидая последней битвы, или же были заперты где-то в раздираемых войной районах Внутреннего Дворца, осажденные в своих бастионах и неспособные вырваться? По слухам, Хан умер от зараженных ран в космопорте Львиных Врат еще несколько дней назад, а Преторианец, теперь, когда Дворец лежал в пепле, прятался за стенами бастиона Бхаб и замыслил бегство с Терры, так как, несмотря на всю гениальность, планы Дорна постигла неудача. Оставался лишь Ангел и измотанные остатки трех Легионов под его командованием.

Теперь Каргос ощущал не столь сильное изнеможение, ибо Гвозди, к счастью, перестали вгрызаться так глубоко. Голоса говорящих успокаивали машину боли в черепе, словно их замыслы были молитвой. Война закончилась победой. Защитников разбили. От щита Императора остался лишь обрывок его незримой мощи, и нерожденные буйствовали в опустошенных районах Внутреннего Дворца.

Что же последует дальше? Магнус сокрушит волю Императора, а с ней и психический барьер. Ангрон в своей ярости разыщет и безжалостно убьет Ангела Крови, после чего двинется на Санктум Империалис. В ближайшее время сам Хор приземлится на планету, и они снесут врата Вечности, сожгут Санктум Империалис дотла. У них было численное преимущество над защитниками.

Да будет это сказано, и да будет это сделано. Вскоре Терра станет принадлежать им.

ТРИ - БОГИНЯ С КОПЬЁМ В СПИНЕ

Ульенни

Экипаж «Боевой гончей» «Хиндара» гордился своими усилиями. Восхождение к Внутреннему Дворцу было непростой задачей, ибо пыль пресекала на корню любые попытки воспользоваться кораблями-саркофагами, а рухнувшие секции Последней Стены являли собой многокилометровой высоты структурные оползни из обломков. Подъем по ним выходил далеко за пределы возможностей стабилизаторов, установленных на большинстве титанов. Первую горстку богомашин, которым удалось достигнуть районов Внутреннего Дворца, встретила пустошь с разбитым обстрелами мрамором, где разрозненные титаны оказались самыми высокими из всех ещё стоявших объектов. Целые участки бастионов, замков, шпилей и колоннад лежали в руинах, обращенные в пыль ударами с орбиты или наводнённые ордами Мастера Войны из числа пехоты и бронетанковой поддержки, что уже хлынули во Внутренний Дворец.

Титаны Марсианского Механикума были лишены роскоши столь стремительного продвижения. Когда они начали прибывать, лишь немногие из верных титанов встали на пути их осторожного наступления, так как большая часть лоялистов либо кружила вокруг уцелевших бастионов, либо бежала к безопасному Санкту Империалис.

«Хиндара» и её экипаж входили в первую волну богомашин, что поднимались по обвалу Последней Стены. Эта брешь, лишь одна среди десятков других, представляла из себя обширный склон из расколотого камня, стоявший между титанами и возмездием, которого они жаждали. Восхождение заняло несколько дней утомительных попыток шаг за шагом и насилия над покрасневшими стабилизаторами, компенсаторами и гиробалансировщиками. Лишь термоядерное дыхание реактора за спинами вынудило их остановиться, после чего они позволили железному огню остыть, а техножрецам умиротворить машинный дух. Когда показания приборов перестали гореть красным, «Хиндара» начала делать очередные шаги.

Иные титаны отступили к своим кораблям-гробам, намереваясь попасть на плато по воздуху, хотя мало кто добился хоть какого-то успеха, ибо пыль прогрызала себе путь сквозь воздухозаборники двигателей и выводила из строя большую часть посадочных модулей, которые решались попытать удачи. Некоторые богомашины обрушивали свои орудия на несокрушенные секции стены, пробивая плав-вооружением скалобетон, распыляя камень и проделывая конверсионными излучателями дыры в величайших оборонительных сооружениях Рогала Дорна. Время, время, время. Всё это занимало время, пока защитники отступали к укреплениям Дворцового Кольца.

Множество титанов пыталось подняться наверх. Каждый шаг должен был быть в равной степени рассчитан и обдуман, ибо пустотные щиты каждой богомашины держались опущенными, чтобы перенаправить энергию на другие системы. Наземные команды – те немногие подразделения скитарийской пехоты, коим доверяли в том плане, что они не бросятся вперед ради погони за убийствами – делали всё возможное для расчистки небольших участков обвала, куда затем смогла бы с силой и шумом опуститься когтистая ступня.

«Хиндара» дважды упала за время своего восхождения. В первый раз, еще в самом начале, она просто сползла из-за ошибки в расчёте стабилизационной компенсации, отчего богомашина стала заваливаться вперед. Несмотря на все риски, самым безопасным было именно падение вперед; модератус Отеш с холодной ясностью двигала рычаги управления, регулируя положение увлекаемой вниз ноги. Титан

пробил каменную насыпь своей конечностью под острым углом и замер на месте на несколько драгоценных секунд, необходимых Отеш для разворота «Хиндары» и возвращения ей устойчивости. Действия модератуса вызвали у остальных членов экипажа одобрительные возгласы и рукоплескания. Даже титаны, находившиеся достаточно близко, чтобы видеть силуэт «Хиндары» в пыли, выразили по воксу своё признание или же, как в некоторых случаях, просто поглумились, однако прерывающаяся коммуникационная сеть едва позволяла уловить смысл хотя бы части таких сообщений.

А вот второе падение оказалось хуже. Ближе к вершине, куда «Хиндара» добралась за долгие дни медленного продвижения, валуны осыпались вниз под её ногами, что уже случалось со многими другими титанами. Реактор взревел от досады – и, если говорить откровенно, от страха – машинного духа. Всё происходило до ужаса медленно: скрежет трущихся камней, жалобный вой деформируемого железа и омерзительно безмятежный наклон опрокидывающейся богомашины. «Хиндара» валилась вбок и назад, а её стабилизаторы визжали, освобожденные от гнёта всякого давления.

Экипаж знал – они мертвы. Падение с такой высоты означало смерть. Даже если бы они выжили, а это было маловероятно, и даже если бы их титан не разбился вдребезги при кувырканиях по склону, что было еще менее вероятно, скорее всего «Хиндару» бы не подняли на ноги и за несколько недель, если бы подняли вообще. На идущей войне не осталось даже подобия координации и организации для таких работ. Члены экипажа всё прекрасно знали, эта мысль держалась в их головах с каждым шагом наверх, и она же вспыхнула в умах каждого, когда титан стал выгибаться назад.

Камни скрежетали и гремели, они всё соскальзывали и соскальзывали вниз.

Через клонящиеся глаза-щели титана члены экипажа видели перед собой пропадающего из виду «Разбойника» Мортис «Варкарнерикс». Она была еще ближе к вершине, а окружал её небольшой рой технотрэллов-рабочих, которые трудились вокруг пяток своей богомашины. Чтобы добраться сюда, титану Мортис потребовалось больше недели. Принцепс Ульенни Груни даже не задумывалась перед тем, как слова небрежно выплеснулись из её рта. Никаких криков. Никакой паники. Лишь шёпот с нутряной хрипотцой.

— Выпустить «Медвежью лапу».

У модерати-секундус Химмара Кула было лишь полсекунды на то, чтобы оптимально соотнести чередующиеся данные о секторах обстрела с собственными предположениями. Времени не хватило даже на фиксацию огневых скоб, однако, следуя мышечной памяти, он двинул рукой «Хиндары» и зажал оба спусковых устройства. Кабина содрогнулась от отдачи его стрельбы вслепую, а сама богомашина заскулила, когда гнездо руки приняло на себя основную тяжесть пуска «Медвежьей лапы» без фиксации скоб.

Начало соскальзывания и выстрел разделяло лишь полдюжины ударов сердца, но время не имело никакого значения. Они могли потратить хоть целый день на размышления. Это было неважно. Для огня у них имелась лишь одна-единственная мишень.

Гарпун попал в спину «Варкарнерикс». Еще пятью метрами выше, еще одной секундой позже, и они бы промазали.

«Медвежья лапа» с тремя когтями пронзила заднюю броню панциря «Разбойника», где композитное покрытие из адамантия, пластали и керамика было тоньше всего. Она вошла с громовым треском, погружаясь всё глубже во внутренности богомашины и раскидывая по машинному отделению окровавленные останки двух техножрецов. Гарпун прошёл мимо реактора «Фетида», служащего титану

сердцем, однако пробил техническую колонну хребта «*Варкарнерикс*» на всю свою длину. Гигантская «лапа» сжала божественный, но ныне искореженный металл, после чего крепко сомкнулась с активационным лязгом макромагнитной фиксации.

«*Варкарнерикс*» прекратила движение. Какое-то мгновение возвышающаяся богомашина недвижимо смотрела на крутой подъем с едва-ли не философским спокойствием, а находившиеся в её тени скитарии и сервиторы просто стояли, не в силах поверить собственным исцарапанным линзам, заменявшим им глаза. Они были верующими у ног своего божества, и только что в спину их богини вонзилось копьё.

«*Хиндара*» дернулась, выгнулась и начала поворачиваться под широким тупым углом. Оба модерати работали с рычагами, их костяшки побелели, а зубы были стиснуты, ведь им приходилось проявлять всё свое мастерство в управлении механизмами, чтобы выровнять ноги.

— Не на чем стоять, поверхность уходит из-под нас, не на чем стоять... — говорила модератус Отеш.

— Нет, — мямлила принцепс Ульенни, единственное слово превратилось в тихий монотонный напев. — Нет, нет, нет.

Одна ступня с грохотом ударила о землю. Камень под ними задрожал, начал трястись всё сильнее, а потом продолжил скользить вниз. Рухнула вторая ступня, круша поверхность, затем снова первая. Титан шатался на камне, нетвердо стоя на ногах словно раненный волк. Двигатели в руке с гарпуном вращались, пока экипаж тянул закрепившуюся «Медвежью лапу», чтобы вернуть богомашине устойчивое положение. Священное железо в плече «*Хиндары*» скрипело по мере того, как гнездо конечности испытывало напряжение и деформировалось от усилий титана.

Вот тогда-то «*Варкарнерикс*» и закричала. «Разбойник» дал волю своему боевому горну и испустил вопль, который заглушил грохот обвала. В тот момент богомашина звучала до жалости, до ужаса живой.

— Мы устойчивы. — Из-за неверия модератус Кул смеялся невесело. — Мы устойчивы.

И он оказался прав. Ноги «*Хиндары*» застыли, а визг сочленений стал сходить на нет, когда их протесты прекратились. Кабина больше не кренилась. Они были устойчивы. К ним повернулась «*Варкарнерикс*».

По крайней мере, она начала поворачиваться, чего не позволили бы оставшиеся от спины обломки; титан никогда бы не смог завершить этот поворот, как и не смог бы вновь ходить, не смог бы вести очередную войну. Поворот сменился креном, а тот, в свою очередь, перетёк в падение.

Боевой горн «*Варкарнерикс*» вновь издал крик - последний вопль преданного божка. Богомашина выпустила плазму через щели в панцире, без толку выдыхая отравленный огонь в загрязненный воздух. Было ли это актом бездумной паники или же неприкрытой злобы, однако «*Варкарнерикс*» открыла огонь из своих орудий, и её руки извергли потоки ослепляющего лазерного огня, которые отдавались эхом будто гром. Сей предсмертный залп расплавил последователей богомашины и выжег камни вокруг до состояния чёрного стекла.

— Разъединиться! — приказала Ульенни. — Она переваливается! Разъединиться!

Но они не могли этого сделать. «Разбойник» собирался утянуть их с собой в падении вниз по склону. Экипаж «*Хиндары*» спас себя лишь для того, чтобы затем обречь на гибель, и титан не мог разъединиться. Кул вновь попробовал сделать что-то рычагами, он снова жал на спусковые устройства, а потом еще раз, и еще раз. Макромагнетики были отделены, хватка «Медвежьей лапы» ослабла, однако гарпун всё еще сидел в ребрах «*Варкарнерикс*». Он вонзился слишком глубоко.

— Взорвать линчзатворы.

Не было никакой необходимости отдавать приказ, так как Кул уже принялся за дело. Реактор «Хиндары» оскорблённо вспыхнул, когда мощность и температура скакнули до предельных значений. *Бах, бах, бах.* Это сработали аварийные отказобезопасные заряды в плече титана, что взорвали линчзатворы, крепящие пусковую установку «Медвежьей лапы» к корпусу.

«Хиндара» ампутировала себе руку как раз вовремя. «*Варкарнерикс*» рухнула на склон, врезавшись лицом и мгновенно убив собственный экипаж. От удара невероятно тяжелого корпуса поверхность содрогнулась, приведя в движение очередной оползень. Хлынувший каменный поток подхватил огромные булыжники, и всё это устремилось вниз по уклону протяженностью во многие километры. Находящиеся ниже титаны, чью декоративную покраску стёр пепельный воздух, и которым приходилось терпеть ухудшившуюся работу сканеров, принялись тяжеловесно отходить в сторону либо же изо всех сил готовиться к столкновению. Это была далеко не первая такая волна. Сквозь хламный град помех и мусорного кода экипаж «Хиндары» слышал голоса, что проклинали их и хвалили за столь вероломное выживание.

Один такой звучал громче остальных – влажное потрескивание, идентифицировавшее себя как «*Теллум ире*». То была «Боевая гончая» Мортис, находившаяся достаточно близко, чтобы увидеть игру теней в пыли, и теперь она бесилась от злости на «Хиндару».

Модератус Отеш покачала головой. С лица женщины еще не сошла бледность, вызванная отступающей паникой.

— Они бы открыли по нам огонь, будь у них возможность.

Но такой возможности у них не имелось. «*Теллум ире*» стоял слишком далеко, ниже по склону, и, скорее всего, его положение на земле было в достаточной мере неустойчивым, чтобы не рисковать и не стрелять из орудий.

Ульенни слушала их несвязные речи, а её сердцебиение, меж тем, замедлялось, возвращаясь к норме. Она ощущала холодок от содеянного, однако это беспокойство так и не переросло в чувство вины. Все равно в армиях Мастера Войны больше не было никакого порядка. До тех пор, пока «Хиндара» оставалась впереди других машин Мортис, никакие последствия на неё не обрушатся; едва-ли теперь сохранялась хоть какая-то структура подчиненности, чтобы потом пришлось отвечать. С тех пор, как пала стена, каждая богомашина была сама по себе.

— Это принцепс Ульенни из Аудакс. Я говорю за «Хиндару».

Она не имела ни малейшего понятия, дойдет ли её передача до «*Теллум ире*», но место отсутствующей вины заняла вновь пробужденная гордость. Ей не нравилось, когда с ней так разговаривают.

«*Теллум ире*» ответил: еще больше гнева, щедро сдобренного обещаниями возмездия. Ульенни некоторое время слушала титана Мортис словно музыку на фоне, обнажая свои окровавленные десна в улыбке, после чего передала отрывистый ответ:

— Машина уничтожена.

И закрыла канал связи.

Смерть коснулась их два дня назад, почти у самой вершины бреши. С тех пор «Хиндара» поднялась до

самого конца, прошагала сквозь пролом и теперь кралась по разрушенным районам Внутреннего Дворца, час за часом ведя тяжёлые бои. Однорукий титан воссоединился с силами Легионес Астартес, что осаждали бастион Меру, после чего помог им обрушить стены и уничтожить вражеские танки залпами турболазера.

Мало каким транспортам снабжения Легио Аудакс удалось преодолеть Последнюю Стену, которая изолировала «Хиндару» в авангарде. Истина же заключалась в том, что с момента своего первого развертывания на поверхности Терры, богомашина уже целые месяцы находилась в поле, а ведь она видывала лучшие дни и до ампутации. Побочный ущерб копился, более серьезные, оставшиеся без ухода раны гнили в её железных костях. В ночь перед падением бастиона Меру из-за злостного поворота судьбы в бок головы «Хиндары» ударила ракета. Она пролетела в тот момент, когда щиты упали, оставила на кабине шрамы в виде подпалин, повредила несколько систем управления и разбила армированное стекло глаз-щелей. Теперь они были рассечены трещинами, по сложности напоминая паутину, а обзор экипажа, который и так пострадал из-за пепла, стал ещё хуже.

Теперь шагающая богомашина прихрамывала, сочленения её правой ноги стали стопориться после пушечного огня лоялистов. Кроме того, приходилось беречь запасы энергии. Пустотные щиты больше не зажигались по команде, а по кабелям-нервам проходила боль от ранений. Чтобы усмирить машинного духа, становившегося всё более капризным, экипаж держал реактор приглушенным.

Каждый дворцовый бастион являл собой город-крепость, и все вместе они окружали Санктум Империалис, образуя его границы. Самым уродливым был бастион Меру – зверского вида подобие настоящего замка. Старые инфоспурты описывали его как дворец, однако прежняя красота исчезла, когда Рогал Дорн облёк сооружение в слои скалобетона и керамика, а на стенах оставил целые рои противопехотных турелей. Разрушать бастион было настоящим удовольствием; очередная крепость лоялистов пала жертвой неумолимого марша, направлявшегося к Санктум Империалис.

Уже многие дни не встречалось ни единого признака присутствия примархов: ни огненного ангела, коим стал Ангрон, ни того создания, которое раньше должно было быть Мортарионом. По слухам, Пертурабо покинул осаду, однако Ульенни до сих пор видела в орде прорву Железных Воинов, поэтому кто знает, в чём заключалась истина? Потрескивающие передачи с орбиты сулили грядущую высадку Хора, но принцесс считала эти скандирующие обещания ничем не лучше пропаганды. Она сосредоточилась на войне прямо перед собой, а не на идущих сверху молитвах.

Следующим оказался бастион Авалон, чьи зубчатые стены являли собой темные расплывшиеся очертания на горизонте. По зашифрованному воксу пришла весть об отступающих по всему фронту врагах, однако без организованной разведки никто не мог сказать этого наверняка. Тем не менее, та горстка офицеров, которые все еще передавали приказы, уверяла, что Авалон уже бросили, а его защитники вливались в поток беглецов на протяжении многих дней, стремясь добраться до других бастионов.

Нетерпеливый дух «Хиндары» психосоматически бился в разуме Ульенни, порождая монотонную красную пульсацию. Её экипаж держал реактор скованным, дабы воинственная душа богомашины не заставила их нарушить целостность подразделения. В настоящий момент Пожиратели Миров, Гвардия Смерти и Альфа-Легионеры бежали перед титаном керамитовой волной. Десантно-штурмовые корабли не прикрывали сверху, ибо этап поддержки с воздуха подошёл к решительному концу, однако строй пехоты ломали жукоподобные силуэты легионных танков, а в грязных небесах реяли крылатые твари: краснокожие создания с очертаниями мужчин и женщин, раздутые существа в форме чужацких мух и те, кто на фоне прочих выделялся слоями брони. Последних экипаж «Хиндары» называл демонами.

Каждый раз, как Ульенни пыталась посмотреть на них, её взгляд скользил куда-то в сторону, и сразу после этого она тут же забывала, где те вообще находились.

Орде хватало численности, чтобы закончить войну, а вот оставшиеся силы защитников могли лишь отсрочить поражение. Тем не менее, потери грозили быть воистину ужасными. Ульенни не горела желанием умирать из-за упертости Императора, нет, она хотела жить и видеть, как претворяются в реальность амбиции Мастера Войны. Она жаждала нового Империиума, обещанного Хором. Вечной империи. Царства человечества, которое никогда не падёт.

«Хиндара» зарычала, ощутив беспокойство принцепса, но остуженный реактор притуплял дух богомашины и не давал сделать что-то большее.

И снова эта мелкая предательская мысль, от которой Ульенни никак не могла до конца избавиться. Хор был героем, Мастером Войны Империиума, усмирителем галактики. Конечно же она последовала за ним. Легио Аудакс охотно взял цвета примарха и связал свою судьбу с его. Но что останется после войны? Что останется от Терры и армий, сражающихся за неё?

Вне всяких сомнений даже сейчас на границах Империиума пробуждались дремлющие государства чужаков, которые осмеливались бросать завистливый взгляд на миры, потерянные ими во время Великого Крестового похода. Хватит ли оставшихся воинств Мастера Войны на то, чтобы сохранить цельность Империиума? И как те воинства будут выглядеть, лишённые порядка, дисциплины и человечности? Легионес Астартес уже сходили с ума от крови и сражались бок о бок с этими... этим существами, а полки Имперской Армии, носившие Око Мастера Войны, были не лучше. Ульенни Груни не хотела мира. Мир – это скучно. Мир для слабых. Ей же хотелось войн, где она могла побеждать.

Механикум, да будет благословенно это имя, обращался сам против себя, вещая на визгливых арго мусорного кода. Бредающие пророки призывали отказываться от собственной Личности и погружаться в Манифольд, сливаясь с машинным духом, а культы с конфликтующими философиями, что раньше ни в чем друг с другом не соглашались, но, по крайней мере, сдерживались и просто чурались идеологий соперников, теперь вопили в некое подобии разрозненного единства, молясь о жертвоприношении плоти и души ради перерождения в колыбелях из священного железа.

«Хиндаре» хотелось того же. Ульенни чувствовала это.

Пока что богомашина ждала, а женщина, служившая титану разумом, пристально смотрела на бронированную волну, что катилась к силуэту далеких зубчатых стен. Это был первый миг спокойствия, который принцепс могла припомнить за долгое, долгое время.

За прошедшие месяцы физический мир Ульенни сузился до пределов кабины «Хиндары», и покидала она его лишь при смешивании собственных чувств с чувствами машины, живя её глазами и орудиями, ощущая движения титана как свои собственные. Когда она в последний раз дышала свежим воздухом, а не вонью пота, выходящей из фильтрационных щелей за головой? Когда она в последний раз пила что-то кроме переработанной мочи ближайших товарищей? Когда она в последний раз вообще сдвигалась со своего контрольного трона?

Ульенни вдохнула, ощущая запах собственных экскрементов. Её выходные фильтры сломались... но когда? Дни назад? Недели? Ноги покрылись коркой из выделений, а униформу пятнала рвота, которая смердела несвежей питательной пастой. Стоило принцепсу впервые заметить эту вонь различных мерзостей, чья засохшая масса скрепляла женщину с треном, как та стала вездесущей. Практически невыносимой.

Мутный взгляд Ульенни мельком зацепил её руку. Та была чёрной лапой, сплавленной с металлом-

— Мой принцепс?

Пробуждённая от грёз, она обратила опухшие глаза к Отеш.

— Модератус, — подтвердила Ульенни.

Пески Марса, но ведь она так устала, так чертовски устала.

— Ждём вашего приказа, мой принцепс.

Ульенни уставилась на своего товарища по службе на титане. Отеш была гнилым трупом с болезненно-темной кожей и сухими глазами. Теперь принцепс чувствовала и исходящий от неё запах - сладковатую вонь испорченного мяса. Смерть настигла модератуса как минимум неделю назад, еще до того, как они начали восхождение. В какой-то момент перед собственной кончиной Отеш перегрызла себе язык, и сейчас мухи тучнели на её лице, то заползая, то выползая из разинутого рта.

Ульенни открыла глаза. Или же закрыла. Видение прекратилось, а может и снова началось. Она не могла сказать наверняка и не была уверена, имеет ли это теперь вообще хоть какое-то значение.

— Мой принцепс? — повторила Отеш.

— Ты мертва, — произнесла Ульенни. Или подумала. Женщина не понимала, говорит она или думает. Даже будучи приглушенным, реактор «Хиндары» продолжал давить на её подсознание; непрекращающееся давление на серое мясо внутри черепа. — Отеш, ты мертва?

— Мой принцепс? — услышала Ульенни или представила, что услышала.

Слова произнесла либо Отеш, либо существо, носившее кожу модератуса, либо их и вовсе никто не произносил.

Ульенни ощутила на лице теплую влагу. Она плакала. А может быть это кровь снова шла из её глаз.

— Идём, — произнесла принцепс, обхватывая руками подлокотники контрольного трона.

Она чувствовала и слышала скрип перчаток. Ульенни все еще их носила, и руки не были черными лапами, сплавленными с металлом. Не были. Не были. Тем не менее, женщина не смогла заставить себя посмотреть на них, чтобы убедиться.

— Мы идём. Наступаем вместе с ордой.

«Хиндара» с грохотом и лязгом зашагала вперёд. Давление в голове Ульенни ненамного ослабло, а запах гнусностей отступил.

«Боевая гончая» подняла оставшуюся руку с оружием, на смену ковыляющей походке пришёл бег вприпрыжку, и земля затряслась, когда титан начал обгонять пехоту. Они прорывались сквозь ряды наполовину скрытых в пыли существ, на которых было больно смотреть.

Теперь Ульенни не отрывала глаз от стен. В пылевой мгле проступали срезанные бомбардировкой шпили, рухнувшие зубцы и разрушенные оборонительные турели. Если Авалон действительно был заброшен, значит по просторам ничейной земли между их местоположением и воротами Вечности текли потоки беженцев и отступающих солдат.

Для «Хиндары» это означало добычу. Душа богомашины обратилась к своему командиру с призывом, который принял форму соматического толчка через их переплетённое соединение. Кожу принцепса защипало. Она приоткрыла рот, и меж испорченных зубов протянулись ниточки крови.

Стены бастиона Авалон продолжали расти: мрачнеющие, распадающиеся. А затем появилось нечто новое. Прямо над зубцами, в спокойных пепельных небесах воссияла одинокая звезда.

Даже через железные кости титана принцепс услышала, как легионеры стали издавать восторженные крики и скандировать у ног богомашины. Они выкликивали «Хиндару», Хора, созданий посреди них – и Ангрона, Ангрона, Ангрона.

Новорожденная звезда начала падать, оставляя за собой огненный след.

ЧЕТЫРЕ - ПУТЬ К СЛАВЕ

Каргос

Он вновь двигался вместе с ордой, только теперь рядом шёл Инзар. На этом бесконечном марше нужно было лишь ставить одну ногу впереди другой, а каждый шаг, сопровождающийся глухим стуком подошвы о землю, вызывал приступы боли в задней части мозга, где находились Гвозди. В нынешние дни они кусались, отрастив клыки, но присутствие Инзара облегчало мучения, ибо Несущий Слово входил в число тех, чьи голоса ослабляли источаемый Гвоздями яд.

Думалось тоже легче, и Каргос начал кое-что вспоминать: кем он был, что совершил, имена воинов вокруг. Вот Дрелат, центурион 53-й штурмовой роты, а там увешанный гладиаторскими клинками Рангор. Каргос не мог припомнить звание последнего, но знал, что на борту «Завоевателя» он мухлевал во время игр в козны.

Какие же странные воспоминания к нему теперь возвращались.

Пока они шагали в рваном ритме, Пожиратель Миров бросил взгляд на Инзара. Казалось, Несущий Слово почти не изменился, и Каргос находил в этом странное успокоение. В его голове возникли образы былых дней, когда Великий Крестовый поход достиг своего зенита, а XVII начал посылать собственных капелланов в другие Легионы. Тогда многие расценивали такой шаг как акт неуместного братания, но Пожиратели Миров были среди тех, кто относительно быстро поменял своё отношение к прикомандированным легионерам. Инзар являл собой хороший пример того, почему так произошло; он служил с Восьмой штурмовой ротой, и капитан Кхарн весьма уважал его спокойное упорство. В конце концов, Кхарн стал доверять советам Инзара.

Если бы Лоргар отправил проповедников, сыны Ангрона никогда бы не проявили к ним подобной благосклонности даже на мгновение, однако Несущие Слово послали воинов-жрецов, являвшимися в куда большей степени именно воинами, нежели жрецами. Капеллан не придерживался правил поведения в военное время и лишь вздыхал, когда в спорах поднимался вопрос о воинской чести. Он настаивал на том, что такие вещи были придуманы мужчинами и женщинами, которые хотят огородить себя лоскутным отрицанием собственной причастности к совершённом на войне.

— Воина определяют не добродетели, — сказал тогда Инзар, — а то, как он ведёт войны.

Истинный воин сделает всё необходимое для победы в войне, остальное же эфемерно. Вот во что верил Инзар Колхидский, и эти убеждения обеспечили ему теплый прием в рядах Пожирающих Миры.

— Хорошие были деньки, верно?

Каргос прочистил глотку.

— Что?

— Те годы, когда мы сражались вместе в Великом Крестовом походе. Свирепые времена, друг мой. Годы отрадной службы. Я часто о них думаю.

Каргос кивнул. Это действительно были хорошие деньки. Тогда перед ними простиралась целая галактика: незавоеванная, готовая к разделке клинками Легиона и поделенная в угоду желаниям примархов.

— Я всегда чувствовал родство с представителями твоей кровной линии, — признался Инзар. — Столь многие мои родичи принесли в другие Легионы шепот воинских лож и гладиаторских культов, но тем из нас, кто сражался с Пожирателями Миров, никогда не нужно было проповедовать. Восхитительная истина заключается в том, что ты и твой Легион созрели для просвещения еще в самом начале.

— Просвещение. Чертовски дерьмовое слово для описания того, где мы теперь оказались.

— Не говори о собственных благословениях как о проклятье, — сказал Инзар. — Гвозди причиняют боль, но разве с ними ты не сильнее? Разве они не делают твои мышцы мощнее, а рефлекс быстрее?

— Опять ты со своей хреновой поэтичностью, — прорычал Каргос. — Избавь меня от медикэ-анализа. Я аптекарь.

Больше нет, подумал он. Больше нет.

Каргос облизнул потрескавшиеся губы. В этом не было ничего забавного, но почему-то смех поднимался изнутри словно желчь. Пожиратель Миров до последнего пытался побороть возникшее тошнотворное ощущение, однако приступ хохота сотряс его тело и вырвался наружу будто череда прерывающихся завываний. В нём не слышалось ни единого намека на веселье, ибо Каргос смеялся лишь потому, что в тот момент машина в его черепе защемляла определённые нервы, заставляя танцевать под её песню.

За последние недели у него уже несколько раз возникали такие вспышки смеха. Это было даже хуже, чем боль, ведь ему приходилось трястись от веселья, которого он не ощущал.

Инзар никак не прокомментировал происходящее. Несущий Слово продолжал говорить так, словно у Каргоса не было никакого приступа хохота, а в его голосе сквозило тепло, вызванное приятным изумлением.

— Вот как раз из-за твоего призвания ты и должен лучше прочих знать, что не нужно отвергать полученные благословения. Брат мой, как тебе не стыдно.

То, что проворчал в ответ Каргос, нельзя было отнести ни к согласию, ни к несогласию. Когда в последний раз с ним кто-нибудь говорил вот так, обмениваясь братскими насмешками? Пожиратель Миров процедил потемневшую от крови муть – то, что он принимал за собственные мысли. Нет, ничего. Ему казалось, будто в последний раз подобный разговор состоялся целую вечность назад.

У него сохранились лишь обрывочные воспоминания о первых исследованиях Гвоздей, отчеты о которых он видел светящемся гололите. Эти графические изображения мышц – показатели, снятые с виртуально освежаванных братьев Каргоса – рассказывали впечатляющую историю.

Даже генетически перекованное тело космодесантника было во всех отношениях смертным. Сигналы между мозгом, мышцами и центральной нервной системой шли в пределах смертных границ, а вот Гвозди их стирали. Машины боли преобразовывали электрические импульсы между мозгом и телом, позволяя воинам подвергать собственные тела чрезмерным нагрузкам и гнать через мышцы с сухожилиями еще больше кинетической энергии вне зависимости от того, готова ли была плоть принять её или нет. А вместе с этим приходила радость. На фоне притупления всех прочих эмоций (прискорбные издержки технологии импланта) усиливалось адреналиновое наслаждение жестокостью.

По велению Ангрона легионные аптекари вбили Гвозди в черепа братьев Каргоса, а после, довольные своей работой, что было вполне заслуженно, мясники-хирурги XII Легиона имплантировали их друг другу. Покой не наполненной болью жизни они принесли в жертву ради увеличения физической мощи на поле боя.

Инзар обратил свои красные глазные линзы на Пожирателя Миров.

— Жертва должна причинять боль, Каргос. Как раз это и делает её *жертвой*. Ты отдаешь что-то ценное для того, чтобы получить взамен нечто еще более великое. Я не жалею тебя, брат, а уважаю. Твои сила и жертва вдохновляют нас всех.

После этого вновь воцарилась тишина. Каргос не знал, сколько именно она продлилась, но именно Пожиратель Миров нарушил её спустя неопределенное время.

— Кхарн, — бросил он в пыль.

Инзар повернул к нему шлем.

— Брат?

— Это был я, — сказал он Несущему Слово. — Я нашел Кхарна.

— А, — ответил Инзар. Его низкий голос приобрел доброжелательный и понимающий тон. — Ты об Исстване. Я знаю эту историю, мой друг. Ты её уже рассказывал.

— Нет. На Исстване его нашел Скане. — Очередной приступ смеха угрожал стремительно захлестнуть его, но Каргос сдержался. — И он же позвал меня.

В тот день целую жизнь назад, в самом начале всего этого, они вытащили своего капитана из-под гусениц «Лэндрейдера». Сколько времени прошло с тех пор, как Каргос в последний раз думал об Исстване?

— Я так до сих пор и не увидел Скане за всю войну, — отметил Инзар.

— Потому что он мертв.

— Ах, это меня печалит. Он был отличным солдатом.

— Х-н-н-х. И всё же в конце Скане стал предателем. Он попытался сбежать с «Завоевателя». Его казнила Лотара.

— В самом деле? Тогда командующая корабля Саррин сделала то, что должна была. — В таких вещах Инзар придерживался практического подхода. — Но ты говорил о Кхарне.

Вместо кивка Пожиратель Миров согласно заворчал. Это была еще одно небольшое изменение, которое имплант привнес в его повседневность, так как движение головой, даже простой кивок, иногда вызывало укол Гвоздей.

— Говорят, его сразил Черный Рыцарь.

— Понятно. Как интересно. — Улыбался ли Инзар за своим лицевым щитком? Каргос решил, что да. Несущий Слово говорил так, словно ему рассказывали весьма трогательную историю. — И ты взял это с тела Кхарна или же он передал тебе его вместе с последними словами?

— Взял что? Я ничего не забирал у Кхарна.

Каргос вздрогнул. Пожиратель Миров уже собирался вновь расхохотаться, ибо его принуждали к этому Гвозди, вот только смеяться он совсем не хотел. Только не так скоро после последнего раза.

Инзар был само воплощение терпеливости.

— Друг мой, ты совсем ничего не забирал?

— Хватит усмехаться надо мной, ты, колхидский ублюдок. Я слышу насмешку в твоём голосе.

Пока они устало плелись вперед, Инзар указал своим зубчатым крозиусом-булавой на оружие, которое Каргос держал в правой руке некрепкой хваткой.

— Но если ты ничего не брал у Кхарна, тогда почему у тебя его топор?

Каргос нашел Кхарна стоящим на коленях, и именно это красноречивее всего прочего, что произошло за долгие месяцы идущей войны, говорило аптекарю о том, что мир сошел с ума. Когда он приблизился к своему командиру, ему улыбнулась удача, наградив передышкой в виде ясного сознания.

Как давно это случилось? Часы назад? Дни? Недели? Теперь время текло для всех по-разному, и никто не мог сойтись во мнении, какой на самом деле шёл час, день или неделя.

Чем ближе Каргос подходил к павшему Кхарну, тем сильнее рассеивался туман в голове. Пожиратель Миров не мог сказать точно, где находился - где-то на границе одного из внешних бастионов, предположил он, - однако самосознание вернулось к нему в достаточной степени, чтобы аптекарь ощутил гнетущее чувство отвращения при виде заключенного в позе брата-капитана кощунства.

В смерти не было позора, но *стоять на коленях*? Ты преклоняешь колени перед тиранами. Перед хозяевами рабов. Перед императорами.

— Дурной знак, брат. — Каргос склонился над трупом. — Это плохая смерть.

Среди обломков в нескольких футах от тела лежал топор Кхарна, *Дитя Кровопролития*. Обвязочная цепь была обрублена ближе к кисти капитана. Он умер без оружия в руках. Еще один дурной знак, и Каргос не хотел, чтобы братья это увидели.

Он решил позвать на помощь и вызвал по воксу десантно-штурмовой корабль. Каргос прекрасно знал, что из-за пепла тот мог так никогда и не прилететь. Заслышав шаги приближающихся братьев,

Пожиратель Миров подтащил *Дитя Кровопролития* поближе к разжатым пальцам Кхарна.

Стоило Каргосу сжать хватку Кхарна на рукояти, как тот заговорил с ним.

— Это был Сигизмунд.

Голова капитана оставалась опущена, а гребень шлема пораженчески кренился. Из-за пыли доспех Кхарна был таким же бесцветным, как и у них всех. Давно засохшая вокруг прорех в броне кровь позволяла пыли цепляться еще хоть за что-нибудь. Он не дышал, и чтобы определить это, Каргосу не требовались орудия его ремесла. И тем не менее, командир аптекаря говорил.

Сигизмунд.

Имя отозвалось в разуме Каргоса с тревожной проникновенностью. На какое-то мгновение он вновь оказался на арене, в бойцовых ямах «*Завоевателя*», где наблюдал за поединком с участием Кхарна и Сигизмунда. Они бились бок о бок, прикованные друг к другу цепью, что соединяла их запястья. По правде говоря, в то время ни один из двух капитанов не мог похвастать какой-то внушительной репутацией на гладиаторской арене. Тем не менее, общепризнанной истиной было и то, что, когда на кону стояли их жизни, они становились одними из самых свирепых воинов среди Легионес Астартес. Война делала из Кхарна и Сигизмунда величайших легионеров, но то война. В бойцовых же ямах капитаны слыли посредственными воинами, которые постоянно дрались до первой крови и редко когда до третьей. У них никогда не было *сангвис экстремис*; они никогда не сражались до смерти.

Каргос бился как гладиатор Восьмой роты. Он любил драться грязно, плюя противнику в глаза, из-за чего ему дали прозвище *Плюющийся Кровью*. У них всех были дарованные братьями прозвища, каждое помпезнее предыдущего. *Плюющийся Кровью*. *Черный Рыцарь*. *Расчленитель*.

Ему было все равно как драться: в одиночку или скованным с братом по яме. Он рубцевал свою кожу «засечками» убийств, отмечая забранные им жизни. В тот день на борту «*Завоевателя*» Каргос побил Делваруса, когда центурион триариев поддался жажде крови и бросил собственный пост. Это был единственный раз, когда он проявил милосердие и не убил противника. Всё из-за требования капитана.

Бой не закончился смертью, а потому драться вообще не имело смысла. Зачем сражаться, если на кону ничего не стоит? *Играть в игры - это не престижно*. Так говорил его товарищ по арене, его брат по цепям. То было истиной тогда и оставалось истиной всегда.

— Смерть от рук собственного брата по цепи, — тихо сказал Каргос коленопреклонённой фигуре. — Горчайший из ударов.

Через прореху во вскрытом лицевом щитке была видна большая часть лица Кхарна. Удар, который расколол ему шлем, лишил капитана половины зубов. Одних лишь ран на лице и груди, не говоря уже о том факте, что Пожиратель Миров даже не дышал, должно было быть достаточно, чтобы нарушить речь Кхарна, однако его голос звучал идеально чисто.

— Я иду по Восьмеричному Пути, — произнес капитан, не двигая губами. Он вообще не двигался. — Я иду по Пути к Славе.

Скопление мух образовывало узор, который неторопливо плясал на обнаженной коже Кхарна. Одно насекомое село на поверхность открытого глаза.

Каргос ничего не сказал. На него упало несколько теней – это пришли братья Пожирателя Миров.

— Доставьте его тело на «*Завоевателя*».

Ответы смешались: фыркание там, подтверждающее рычание тут.

— Зачем? — проворчал один из стоявших за спиной воинов.

— Он был лучшим среди нас, — произнес Каргос. — Вот зачем.

Каргос поднялся, и вместе с ним из пыли поднялось *Дитя Кровопролития*. Цепь, которая привязывала оружие к его запястью, загремела древней гладиаторской мелодией. Пожирателю Миров было приятно ощущать вес топора. Он чувствовал вмятости, оставленные пальцами Кхарна на рукояти, и ту часть руны-активатора, где поверхность сгладил прошлый владелец.

После этого всё быстро потеряло ясность. Он не помнил, погрузил ли тело Кхарна на какой-нибудь десантно-штурмовой корабль или просто оставил капитана среди обломков. Каргос понятия не имел, как именно поступил, ибо в его голове остался лишь бесконечный круговорот окрашенных в серое воспоминаний о том, как он устало тащится вперед, следуя за фигурами в пыли.

Быть может, именно тогда и начался по-настоящему марш к вратам Вечности.

— Может, и тогда, — согласился Инзар.

Каргос безмолвно вглядывался в горизонт. Его горло было пересохшим руслом, уходящим вниз, вглубь истерзанной плоти тела. Кровь Императора, как же ему хотелось пить.

Во мраке впереди начали вырисовываться стены: высокие, темные кляксы, которые явно были зубчатыми стенами одного из дворцовых бастионов. Меру, наверное. Или Пифия. Или Авалон. Нет. Секунду. А они уже пали?

— Это бастион Авалон, — сказал Инзар.

— Как ты узнаёшь мои мысли? — рявкнул Каргос. — Ты теперь разумы читаешь? Дар от существ, которых ты называешь богами?

Голос Несущего Слово сохранял терпеливый и понимающий тон.

— Ты говоришь вслух, друг мой. Ты не прекращал разговаривать с тех пор, как мы встретились три дня назад.

Три дня. Три *дня*?

— Почти четыре, — подтвердил Инзар.

Каргос проворчал нечто, что можно было принять как за согласие, так и за отрицание.

Благодаря вокалайзеру в шлеме Инзара, Каргос хорошо услышал, как Несущий Слово глубоко вздохнул.

— И готов поспорить, Кхарна ты нашел за неделю до этого, если не раньше.

— Как скажешь, проповедник.

— Ты чувствуешь то же, что и я? Это изменение в воздухе за последние несколько часов. Это ощущение присутствия поблизости.

Каргос не чувствовал ничего кроме покалываний в задней части мозга, но ему было стыдно говорить об этом.

— Твой отец здесь, Каргос. Я ощущаю его священную ярость, как она тянет орду вслед за ним. Мы лишь паломники в отбрасываемой им тени.

Ангрон. Здесь.

Когда он в последний раз видел то существо, в которое превратился его отец? Каргос пытался удержать эти полусформировавшиеся подобия мыслей, но они ускользали из его разума прежде, чем сорваться с языка в форме слов.

— Там. — Указывающий в небеса Инзар прервал размышления Пожирателя Миров. — Видишь?

Над далекими стенами вспыхнула одинокая звезда. Стоило Каргосу посмотреть на неё, как она приковала к себе его взгляд. По коже Пожирателя Миров пробежал озноб, а Гвозди стали вонзаться в него свои клыки чуть глубже, хотя боль стала притупленной. Это было почти что облегчение.

— Ты чувствуешь, — сказал Несущий Слово.

— Я вижу трепещущий огонь в небе. Думаешь, это Ангрон?

— Я знаю, что это он. — Восхищенный Инзар пристально глядел вверх на далекое пламя. — Нерожденные за завесой поют о нем песнь, и, если говорить откровенно, в ней слышна ревность. Они завидуют тому, что его почтили возвышением. Их сотворили бессмертными, но мы, смертные, и даже наши примархи, должны бороться за бессмертие. Ангрон достиг его благодаря священной ярости. Он *победил*, Каргос, он прошел по пути. О, как же они любят и ненавидят Ангрона за то, что ему удалось добраться до конца.

— Путь, — повторил Каргос.

Он вновь услышал последние слова Кхарна. *Мы идем по Восьмеричному Пути. Мы идем по Пути к Славе.*

Кровь застыла у него в жилах, и ему пришлось унять дрожь.

— Как по мне, это больше похоже на какие-то скверные и тягомотные колхидские стишки.

— Разве? — Несмотря на тон Пожирателя Миров, голос Инзара никак не изменился. Капеллан шагнул рядом с Каргосом, а его глазные линзы были обращены к небу. — Я вещаю во благо твоей души, друг мой. Я здесь для того, чтобы вести тебя вперед, как Лоргар вел Ангрона. Ни у кого из нас нет выбора, Каргос. Сейчас мы все идем одной дорогой.

— Бессмертие, — издевательски рявкнул Пожиратель Миров.

— Бессмертие, — согласился Инзар, — или же вечная агония.

— Я и так в агонии, — ухмыльнулся Каргос. — Ты учишься жить с ней.

— Нет, друг мой, тебя терзает боль. Словами невозможно описать ту бездну, что разделяет смертную боль, которую мы все знаем, и вечную агонию, которая ждет нас всех.

С востока донесся грохот шагов громадного титана. Тип «Разбойник». Его поступь сотрясала

разоренную землю, а сама машина находилась достаточно близко, чтобы Каргос мог рассмотреть её крадущуюся вперед сгорбленную фигуру. По пятам шагающего к стенам титана шло множество фигур, которые далеко не факт, что принадлежали людям. Пожиратель Миров слышал раздающиеся с их стороны стайные завывания и шепоты, которые его слух никак бы не смог уловить на таком расстоянии. Вновь обратив взгляд на капеллана, Каргос почувствовал, как его хватка на рукояти топора становится крепче.

— Ну шути со мной, проповедник.

— Каргос, меня едва ли можно назвать человеком с тонким чувством юмора.

Это было вполне справедливое замечание, но, по какой-то непонятной причине, Гвозди от него начали зудеть. Когда Каргос стал отвечать, ему пришлось рычать сквозь стиснутые зубы, сдерживая внезапный прилив нежеланного смеха.

— Что происходит после нашей смерти? Ты и в самом деле знаешь?

Язык тела Инзара впервые выдал его удивление. Каргос услышал едва заметно учатившееся дыхание и недолгую дрожь в сочленениях доспехов Несущего Слово. Он ответил не сразу, продолжая взирать на небеса и наблюдать за тем, что, как он утверждал, было звездой Ангроновой ярости.

— А теперь ты решил меня игнорировать?

Каргос разразился смехом, но теперь естественным. Кровь Императора, как же это было хорошо.

В конце концов Инзар перестал смотреть на небо и опустил глаза.

— Твой отец дал вашему Легиону великий дар. Гвозди Мясника – это освещающий путь маяк. Нашему Легиону Лоргар преподнес похожий дар. Он явил нам истину.

Каргос медленно перевел взгляд, но не к звезде – несмотря на пластины доспеха он ощущал её присутствие как пощипывающий кожу жар – а к силуэтам и теням окружавшей его орды. Пожиратель Миров наблюдал за ними: за своими братьями, за существами, которые ими притворялись, и людьми, что были рабами и тех, и других. Успокаивающий голос Инзара звучал так, словно ударные инструменты отбивали идеальный ритм.

— То была суровая истина. Лоргар едва не сломался, когда узнал о том, что реальность – это гнусная ложь, тонкая корка, под которой лежит бурлящее и презрительно усмехающееся проклятие. Можешь ли ты представить себе такое, друг мой? Быть первым живым существом, обнаружившим – по-настоящему *узнавшим* – что после смерти каждый мужчина, женщина и ребенок растворится в кипящем океане ужаса?

Каргос щелкнул зубами и крепко сжал челюсти, дабы не позволить вырваться наружу звукам того, что формировалось в горле. Ощущение было таким, словно его сейчас вырвет хохотом. Пожиратель Миров боялся потери контроля над конечностями в том случае, если он все-таки начнет смеяться. Ему казалось, будто им овладеет радость Гвоздей, и кто знает, как долго бы это продлилось.

— Опять твоя дерьмовая поэтичность, — пробормотал Каргос.

Хоть Пожиратель Миров и произносил эти слова, но он сомневался, принадлежали ли они ему.

— Как раз таки наоборот. Я говорю настолько ясно, насколько возможно. Души послабее сгорят быстро

и переживут сущие мгновения агонии, после чего они испарятся, став частью варпа, но вот сильные души, души *псайкеров*, они могут рассчитывать на вечность...

Капеллан умолк и замешкался, после чего попробовал еще раз.

— Перед всеми нами стоит простой выбор. Вера в ложного Бога-Императора не спасет ни одну душу, и слабейших из нас ждет забвение. Сильные же получают в награду муки и окончательное уничтожение. Боги за завесой – удивительные создания, друг мой, но еще они гневливы и, по всем человеческим меркам, безумны. Да, Несущие Слово из поклонения возводят идолов Пантеону, но в нашей вере есть прагматизм. Мы – Легион, который первым обнаружил нечто достойное почитания в царстве, что лежит за пределами реальности, но мы также и Легион, который первым столкнулся с тем, чего боится.

Каргос чуял запах крови, а в его затылке нарастал омерзительный жар. Гвозди истекали кровью, которая изливалась прямо в шлем. Он чувствовал, как жизненная влага скапливается в области загривка. Каргос попытался что-то сказать, но теперь Пожиратель Миров окончательно лишился возможности говорить.

— Лоргар узрел все это. Он подвел Ангрона к пропасти и дал твоему отцу шанс обрести бессмертие. Лишь дурак теперь смотрит на него и видит чудовище. Те из нас, кто зрит, видят всё, что преодолел Ангрон. Он – Красный Ангел. Он – сын Ратного Бога. Человек, который отказался принять смертный конец и агонию преисподней. Он наплевал на самую идею окончательного забвения. Вместо этого... он выбрал вечную жизнь невзирая на цену.

Фигуры и тени воинов вокруг них принялись лаять, выть и реветь. Кожу Каргоса покалывало; он прикладывал огромные усилия, чтобы не присоединиться к окружающим и не начать вопить так же громко, так же по-звериному, как и остальные. Инзар продолжал говорить, но теперь его голос звучал протяжно и пылко. Несущий Слово вещал настойчиво, как проповедник, и успокаивающе, как брат.

— Ты ненавидишь Ангрона за то, что он сделал с вами. Ненавидишь его за грех наделения вас силой ценой рассудка? Друг мой, он сотворил нечто гораздо большее. Он дал вам *выбор*. То, чего лишены столь многие другие. Вы можете умирать, как умирают все смертные, вы можете страдать, как страдают все смертные, а можете идти по пути и жить вечно.

Инзар был оком бури, одиноким средоточием покоя. Поступь титанов сотрясала землю, мужчины, женщины, демоны и мертвецы выли, а Несущий Слово поднял крзиус и указал им на одинокую звезду в небесах.

— Взгляни на своего отца, Каргос, ибо прежде всего, он дал своим сыновьям пример для подражания.

Яркая звезда, пылающая высоко за стенами Авалона, устремилась к земле.

— Он даровал вам мессию.

ПЯТЬ - БЕССМЕРТИЕ ЧЕРЕЗ УНИЧТОЖЕНИЕ

Ангрон

Боль способна сокрушать людей. Страдания могут быть настолько сильными, что любая личность просто

перестанет существовать в томместилище, которое бы осталось. Такого рода мучения довольно часто встречаются среди умирающих, хотя они и не присущи только лишь тем, кто обречён и находится на пороге смерти. Боль может заставить человека вопить так, что он лишится рассудка, может оказаться настолько чудовищной, что подавит всё, кроме способности тела испытывать агонию.

Как узнало создание, некогда бывшее Ангроном, – то же самое способна сотворить и ярость.

Если же говорить о том, оставался ли он до сих пор вообще *собой*, то теперь Ангрон представлял из себя всего лишь клочочущий клубок синапсов. Из-за бушующего в голове вихря, который не позволял ощущениям и воспоминаниям развиваться в мысли, он потерял способность размышлять. Вместо мозгов у Ангрона была ядовитая жижа да искрящиеся кабели, а вместо разума с многоуровневым строением – гнев столь чистый и глубокий, что граничил с самозабвенным восторгом.

Без высших мыслительных процессов Ангрон действовал инстинктивно, всё было красным и выцветшим, всё противодействовало самому себе.

Самым ужасным было то, что от личности Ангрона осталось слишком мало, отчего он даже не мог оплакать собственную судьбу. В основе иллюзий, коими тешились его обманутые братья-примархи, всё ещё лежали зёрна истязуемой эмпатии. Неважно, какую ложь им предложили и какие выдумки они себе скармливали, ведь внутри них оставалась толика осознания, которое ещё сильнее подпитывало их мощь потоком скорбного горя. Но вот Ангрому, тому брату, что громче всех кричал о свободе, не позволили даже увидеть, каким рабом он стал.

У вкуса бессмертия было множество оттенков, но не все из них оказались такими же сладкими, как казались.

Вероятно, Ангрому было бы больнее, если бы ему позволили оставить толику самосознания достаточную, чтобы это знание причиняло ему страдание. Другое божество-покровитель могло допустить существование такого пробуждённого осколка внутри марионетки и лакомиться бессильным сопротивлением души в своей хватке.

Однако Кровавый бог был Отцом Побоищ и Властелином Войны, а потому, космическая ирония его не занимала. Мучения слуг ничего не значили, ибо значение имела лишь кровь, которую они проливали... и мало кто из рабов служил этой цели так же хорошо, как и создание, бывшее когда-то Ангроном с Нуцерии.

Ангрон двигался впереди скандировавших его имя армий. Паря над ними, он летел сквозь густой пепельный туман, коим стала атмосфера Терры. Некоторые из тех, кто оставался позади и снизу, были его сыновьями и дочерьми по вознесению и проклятью, другие же в принципе никогда не рождались с телами из плоти, крови или кости. Свою форму они брали из царства за пределами реальности, и теперь Ангрон походил на них. Он не жил так, как жили смертные люди. Он был воплощён, привязан к этому плану бытия одним лишь кровопролитием. Каждую секунду Ангрона тянула к себе завывающая пустота, угрожающая его существованию на Терре, поэтому он убивал и уничтожал всё подряд, держась за свою материальность только при помощи резни.

Под ним лежал Авалон – один из последних, до сих пор уцелевших бастионов. Осознавал это Ангрон лишь в самой абстрактной форме, и для него Авалон был не крепостью с защитниками, ибо такая логическая связность осталась в прошлом, а скорее, воспоминанием о намерении, за которым он гнался. В Авалоне кто-то находился, и об этом Ангрон тоже знал без всякой сознательной мысли. Подобное осознание в его разуме ощущалось как страх раба перед поцелуем хлыста, не отпускавший

даже во сне.

Кто-то должен был быть там. Кто-то, чью горячую, испускающую пар кровь Ангрон жадно зальёт себе в глотку. Кто-то, чья смерть станет его якорем в этой жизни, освободив от боли затягивающей пустоты.

И тем не менее.

Авалон был бескровным полем боя. Враг забросил его, эвакуировал перед наступлением орды. Паря над безмолвными зубчатыми стенами, Ангрон чувствовал абсолютное отсутствие жизни. Он ничего не знал о том, что это значит в тактическом или логическом плане, и понимал только одно – убивать там нечего. Нет того создания, которое должно умереть. Вообще никого. И вот тогда кислота за глазами его вновь захлюпала. В эти мгновения без крови и войны к нему пришло видение: единственный образ, бурлящий в молотилке чувств. Он был как бьющее по остаткам разума стрекало, которое еще сильнее стимулировало и прищипывало Ангрона.

Крылья.

Белые крылья, испещрённые пятнами крови. Крылья, выдающиеся из золотого доспеха. Крылья, которые он, пуская слюни, желал сломать своими когтистыми руками. Крылья, которые он выдернет из суставных ямок, разорвав мышцы и кости.

Возникшая в голове белизна заставила Ангрона взреветь, побудив того излить бессловесный гнев. Здесь нечего уничтожать, некого убивать. Мёртвый камень. Холодный метал. Пустое, всё пустое.

Крылья. Ангельские крылья. Крылья с белыми перьями, принадлежащие золотому ангелу.

Вокруг черепных имплантов, которые словно паразит вгрызались в его мозги, заискрили разряды. Их укус оказался столь свиреп, что Ангрон едва не рухнул с неба.

Крылья. Крылья его брата. Его брата, ангела, чья кровь зальётся в глотку Ангрона и придаст сил, станет временным избавлением от боли.

Его брата, которого тут не было.

Небеса сотряс очередной рёв, похожий на вопль карнозавра. Так Ангрон, словно животное, пытался облегчить свои страдания, но, как и всегда, ничего не вышло. В подобные моменты даже те жалкие обрывки личности, которыми он всё ещё обладал, заглушались песнью Ратного Бога, что ныне образовывала каждый атом его существа. И всё же, где-то там внизу, в пыли, Ангрон ощутил тепло жизни. Этого хватило, чтобы привлечь внимание ущерблённого мозга и примитивных желаний. Всего лишь короткая вспышка, не более того, но достаточно.

Оставляя за собой пламенный след, Ангрон вслепую нырнул вниз: тяжеломерно, как горгулья, и стремительно, как падающая звезда. Всё-таки, здесь была добыча.

Смерть титана «*Конкламатус*» не внесли ни в один из имперских архивов, по крайней мере, ни в один из тех, что пережили Осаду Терры, а потому для защитников Дворца гибель машины прошла незамеченной. В число павших её включили за несколько дней до фактической гибели, и титан уже был оплакан теми, у кого еще оставался для этого рассудок.

Когда все остальные покинули бастион, принцепс и члены экипажа машины добровольно вызвались удерживать позиции в Авалоне, хотя особого выбора у них и не было. Война покалечила «*Конкламатус*»,

и теперь она едва могла двигаться. Вместо того, чтобы хромать по ничейной земле и неминуемо пострадать от паралича реактора на полпути к Санктуму, машина осталась в бастионе Авалон и опустилась на одно колено за пределами возвышающихся стен. Там, в пыли и пепле, *«Конкламатус»* неподвижно ждала.

Её стабилизаторы были прострелены, а работа движителей нарушена за месяцы боестолкновений во Внешнем Дворце. Машина отступала для проведения ремонтных работ, но прежде, чем хоть один адепт успел поднести паяльную горелку к её изломанному остову, *«Конкламатус»* заставили вернуться обратно на военную службу, и поэтому она стояла в пыли на одном колене, но не из-за какого-то символизма, а ради устойчивости, чтобы укрепить полуразрушенную конструкцию и подготовить её к ведению огня с максимальной интенсивностью.

У *«Конкламатус»* имелось то, что можно с большой натяжкой назвать планом, хотя, если рассуждать здраво, это было скорее простым намерением. Когда на неё обрушится орда, она пустит в ход весь оставшийся боезапас, хотя его практически и не осталось после того, как машина передала большую часть своих запасов отступающим сёстрам-титанам. *«Конкламатус»* была «Владыкой войны», и пусть машину вынудили опуститься на одно колено, а её реактор страдал от ран, она намеревалась умереть так, как и жила - повелительницей войны. Она держала руки на уровне горизонта, ну или на том уровне, где, как думал экипаж, тот находился. В её правой руке размещалась «Беликоза», гудящая от накопленного слабого заряда, который, тем не менее, мог разрушить целый городской блок. Левая же представляла из себя когтистую лапу, чьи когти деформировались от постоянного использования, но всё ещё поворачивались, могли сжиматься и разжиматься. На спине титан нёс жалкое количество полнотельных снарядов, уходящих прямым в наплечные орудия - гатлинг-макробластеры. Когда придёт время, они начнут с визгом прокручиваться и вращаться, исполняя одну-единственную, последнюю и, хотелось надеяться, великую симфонию.

Однако же, планам *«Конкламатус»* не было суждено сбыться. Можно лишь строить догадки касательно того, о чем размышляли принцепс и члены экипажа. Истина же, возможно жестокая, а может и простая, заключалась в том, что последний рубеж *«Конкламатус»* был лишь одним из десятков миллионов подобных в этой войне, так почему именно её экипаж следовало увековечить, в то время как столь многие другие сгнули незримо для всех, в безвестности или обречённые на предание забвению? Хлынувшая орда плевать хотела на уникальность человеческих жизней, защищённых бронёй, а уж убийца титана и подавно. Учитывая всё вышесказанное, запись о последнем бое *«Конкламатус»* сводится лишь к этому.

Добыча Ангрона была заключена в оболочку из неудовлетворяющего его железа, поэтому он бил не с целью убить, а с намерением расколоть.

О скольких же вещах Ангрон в тот момент даже не догадывался. Он не знал, что мощный удар по *«Конкламатус»* между лопатками разбил механизмы главной опоры и разорвал десятки клапанов позвоночного столба. Он не знал, что своим близким присутствием выжег зрение принцепсу титана, который на протяжении сорока шести лет службы в Легион Игнатум стяжал почести и сохранял нерушимую верность. Он не знал, что еще до того, как принцепс перестал вопить, его вырванная из своего плотяного приюта душа уже варилась в варпе. И даже если бы Ангрон знал хоть что-то из этого, ему было бы всё равно. Для создания, коим он стал, подобные истины не имели никакого смысла.

Ангрон ведал лишь то, что внутри тела титана были жизни, с которыми он мог покончить, и кровь, которая потечёт. Он выдрал сердце-реактор *«Конкламатус»*, ничуть не заботясь о ядре и

выбрасываемом пламени, порождённом искусственной термоядерной реакцией и обжигающим плоть. Его тело состояло из варп-субстанции, благодаря чему физическая форма регенерировала даже после своего распада. Именно так Ангрон и выживал, процветая за счёт учиняемых разрушений. Он достиг этой самой неоднозначной из вершин и теперь делал последние шаги на Пути к Славе. Ангрон добился бессмертия через уничтожение.

Ослеплённый яростью, он швырнул свою пылающую ношу в стены бастиона Авалон, после чего ненадолго вспыхнуло ложное солнце: очередной взрыв среди миллионов других на поверхности этой покрытой шрамами планеты. Затем в мире рушащихся стен обрушилась еще одна стена, и Ангрон проревел единственное слово, которое все ещё мог произнести.

Он выкрикнул имя своего брата.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ - МИР ОСЛЕП

ШЕСТЬ - ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК НА ТЕРРЕ

Амит

Демон родился в момент смерти королевы, отравленной королём, которого она любила. Как только женщина, опутанная шёлковыми простынями с кровавыми узорами, испустила последний вздох, в царстве за пределами реальности раздался крик новорождённого демона.

Его самой первой трапезой стала потерянная душа королевы, вырванная из её тела и брошенная в клокочущий варп, и здесь, пожалуй, крылась мрачная поэтичность.

История, эта прожорливая лжица, в конце концов проглотит имена и вероломного короля, и преданной им королевы. В масштабах космоса их владычество не значило абсолютно ничего; всего два человека из многих квинтиллионов копошащихся представителей того же вида, два человека, правящих очередной империей с моральными причудами на очередном мире, вращающимся в бесконечной тьме. Истинным результатом жизни короля и королевы стало совершённое в полночь убийство; война, разгоревшаяся после убийства, и последовавший за ней мор. Столько страданий из-за шепотки трав в одном-единственном кубке с вином.

Порождённое их действиями создание не знало имен тех, кто стоял за его рождением. Настоящим отцом демона было предательство, а матерью – болезнь. Он рос за разделяющей реальность и нереальность завесой, формируясь в течениях. В бурлящем варпе имелись собственные закономерности, но у них не было никакого сходства с физикой материального мира. Времени там просто не существовало.

Демон вырос, его сознание распустилось, а вместе с ним расцвела и сила.

Именами создание наделили культы, возникшие, чтобы поклоняться ему, а также обладающие мнимым благочестием мужчины и женщины, которые стремились его уничтожить. Поклонение, ненависть и имена оно приняло как должное.

Безвременность закончилась в точке между всегда и никогда. Существо материализовалось на планете, что некогда называлась Землёй, а ныне носила другое имя – Терра. Его, вместе с бесчисленными

воинствами демонических сородичей, вытянули из варпа, чтобы они воплями изливали свои отвращение и гнев на разрушенные стены тесного Императора. Всё вневременное существование демона вело его именно к этому моменту. Наконец он мог принести свой выводок страданий в мир наяву.

Более не являясь простым сновидением, создание вырвалось из варпа в реальность.

Его руки представляли из себя девятисуставчатые лапы, сплавленные с рукоятью поржавевшего меча, а его единственный полуприкрытый глаз был молочно-белым, луковицеобразным и покрытым коркой. Злокачественная плазма, считавшаяся плотью демона, несла в себе чуму, когда-то пронёсшуюся по давным-давно забытому государству короля и королевы. Его слюна была вирулентностью, его вопли были болезнями.

И он умер спустя четыре секунды после своей материализации.

Демон умер как на скотобойне: от него остался лишь распадающийся *корпус*, выпотрошенный и разорванный на части. Останки существа - эта распускающаяся спираль из эктоплазматической жижи - сгорели в загрязнённой атмосфере, обратившись в ничто.

Убийцей демона оказался Астартес, облаченный в потрескавшийся в боях доспех. Одна рука сжимала зазубренный нож, другая - цепной меч. С обоих клинков стекали ниточки потусторонней крови. Нагрудник космодесантника был украшен побитым крылатым черепом из бронзы - империалисом, символом неразбавленной верности, который носили всё еще сражавшиеся воины. На одном из наплечников вывели символьным аэнохианским шрифтом имя. *Нассир Амит*.

Как и все его родичи, Амит, собственно говоря, был и одновременно не был человеком. Если говорить точнее, то Легионес Астартес принадлежали к подвиду, идея создания которого родилась из манипулируемого представления о том, каким должен быть человек. Если же брать самое точное определение, то Амита едва ли можно было назвать человеком в каждом из значимых аспектов. Он, скорее, представлял из себя живое оружие, порождённое гибридным геноискусством и закованное в слой приводимого в движение керамика.

Некоторые сородичи Амита возмущались идеей их использования исключительно в качестве оружия, другие же принимали её. И у того, и у другого убеждения находились сторонники по обеим сторонам баррикад.

Амит же был непреклонным сторонником последнего. Обременявшие человеческий род заботы отвлекали космодесантника от достижения цели, поэтому он отбросил собственную человечность как нечто совершенно его не интересующее.

В пыли ничего не было видно: ни лежащих на севере, востоке и юге опустошенных руин, оставшихся от архитектурного облика Дворца, ни последнего барьера в виде Дельфийской зубчатой стены на западе. Мир накрыли зима с пеплом вместо снега и дым. Вот уже несколько месяцев подряд грохот рвущихся снарядов являлся постоянным, лишаящим сна спутником, но сейчас стих даже барабанный бой обстрелов, низведённый до хриплого шёпота наполнявшим воздух пеплом. Пепел и *был* воздухом.

А еще здесь присутствовали внепространственные ксеносы. Раньше создания-

Демоны. Ты знаешь, что они - демоны. Зачем сопротивляешься этому слову?

-очень редко воплощались в пределах Дворцового кольца. Император, в Своём величии, сдерживал их.

Но не теперь.

Амид стоял в сердце задохнувшегося от пепла мира и вновь запрашивал по воксу подкрепления, доклады и приказы, которые больше не приходили. Это был уже его девятнадцатый по счету вызов с момента падения бастиона Пифия. На протяжении часов он не видел ни других выживших, ни даже врагов.

Уцелевшие поняли, что всё было кончено еще до того, как перестал работать вокс. Хан получил смертельные ранения, Последняя стена пала, а вместе с ней и районы Внутреннего дворца. Еще они знали, что ждёт их впереди, о чем тысячу и больше раз с ликованием и самодовольными усмешками повторяли по своим линиям связи предатели: Хор собирался высадиться на поверхность. Ангрон, его вестник, расчищал конечный путь, обрывая каждую жизнь между Последней стеной и воротами Вечности.

Затем начал сбоить и вокс. Всё меньше надорванных голосов отвечало в других атакуемых форпостах. Они не предлагали друг другу помощи, а лишь рассказывали о собственном затруднительном положении - одни с мрачным юмором, другие с вымученными проклятиями, а кто-то с неприкрытой, вызывающей слёзы прямоотой. Отзывающиеся по заполненной треском и умирающей вокс-связи либо вовсе не переводили дыхание, либо говорили сдавленным голосом, борясь с болью и эмоциями. Тон каждого намекал на раны, в существовании которых никто бы не признался. Фоновым ритмом любого сообщения выступали звуки стрельбы, а объединяющей их темой была слепота. Все находились в окружении, никто не мог прорваться или увидеть хоть что-нибудь.

Бастион Пифия пал три часа назад. Прежде, чем бросить крепость, Амид добавил к аудио-мизмам вокс-сети собственный окончательный доклад. Он и другие защитники уходили последними, пока бастион вокруг дрожал, а на их головы ливнем падали обломки рушившегося строения.

— На юг, — приказал он своим уцелевшим воинам и беженцам, которых им приходилось защищать. — Не идите к Разави, там уже проводят эвакуацию. Двигайтесь к бастиону Голгофа. Если доберетесь до него, бегите к Санктому.

Учитывая всё, что знал Амид, он обрёл их на смерть в пустошах. Да и в любом случае, сейчас никто не мог сказать наверняка, где вообще юг. Большая часть приборов выдавала случайные курсовые данные, а течение времени отмечалось произвольными скачками. Два встретившихся среди пепла патруля будут докладывать друг другу о том, что сейчас разные дни недели. Всё спуталось из-за пыли или вмешательства-

Демонов, они демоны

- имматериальных ксеносов, вытянутых из их реальности в эту.

Амид не стал снимать шлем, чтобы встретить тишину без защиты. Даже его генетически улучшенные лёгкие с трудом справлялись с загрязняющим атмосферу пеплом. Он шагал по неровной местности, преодолевая впадины и воронки, вместо которых раньше находились дороги, торговые площади и колоннады. Всё это было обращено в месиво орбитальными бомбардировками, огнём титанов, артиллерией и передовыми бандами орды Хора. Всё это вывернули и снесли в актах бездумной ненависти.

Поверхность мира была заражена. Он ступал осторожно, огибая те участки, где землю мучили каллюс и наросты, и сторонясь пятен рябящейся не-воды, вонявшей словно раковая опухоль. Знал ли кто-нибудь, что мрамор мог выделять гной? И кто вообще мог представить себе истекающую кровью почву?

От такого невозможно было оправиться. Не важно, кто победит в войне, эта болезнь навечно проникла в сердце Терры.

Амит шёл дальше. Ему нужно было соединиться с одним из конвоев. В течение какого-то времени компанию ему составлял лишь звук собственных шагов, и к этому моменту он уже давно устал, погрузившись в пучины утомления, что вгрызалось в сами кости. Когда Амит по-настоящему спал в последний раз? Урванные полчаса на Горгоновом барьере несколько недель назад, перед великой битвой за удержание Сатурнианской стены. Казалось, это случилось в другой жизни. Той, что принадлежала кому-то другому.

Он прошёл мимо тел, часть которых принадлежала врагам, часть его братьям, кузенам или солдатам, которыми те командовали. Большинство прибрала себе перемешанная земля: щупальца из нереальной материи смыкались вокруг мертвецов и сплавляли их с заражённым камнем. Другие трупы медленно сливались друг с другом, соединенные какой-то липкой мерзостью, и набухали, образуя груды омертвелой плоти. В пустошах разрастался сад с плодами, созревание которых должно было быть попросту невозможно.

Он продолжал идти. Его целеуказательная сетка стелилась по отсутствующему пейзажу, не фиксируя ничего кроме белой пыли. Амит не искал живых врагов, он искал хоть кого-то живого.

Во время войны случались такие временные затишья, странные и внезапные периоды покоя между долгими часами боёв, когда даже далёкий грохот артиллерии сходил на нет и сменялся неясным безмолвием. Имело место и обратное: неожиданные взрывы звуков и вспышки адреналина, вклинивающиеся в медленно протекающие часы, когда ничего не происходило.

И тем не менее. *Тем не менее*. Нежеланная мысль и чувство одиночества холодком пробежали по его спине. Что, если война действительно закончилась, и он был единственным, кто уцелел? Последним выжившим на кладбище человечества.

Эту мысль сменила другая. А вдруг Амит и сам мёртв? Может, он погиб в бою и теперь, потерянный, блуждал по белым пустошам. Может, смерть изгнала его сюда, в это пепельное чистилище.

— Говорит доминион Нассир Амит из Девятого Легиона, нахожусь к югу от бастиона Пифия в Дворцовом кольце.

Помехи.

— Бастион Пифия пал.

Помехи.

— Есть хоть кто-нибудь?

Помехи.

Как давно он видел своего отца? В последний раз, когда Амит находился в присутствии Ангела Императора, Сангвиний был на грани истощения, стремясь принять участие в боях повсюду после того, как Хана не стало, а Дорна окружили. Может, сейчас примарх в одном из дворцовых бастионов, организовывая его оборону? Или же он оставался снаружи, летя сквозь пепел и выискивая врагов на земле?

Амит натолкнулся на ещё большее количество тел. Еще больше людей погибло в попытке сбежать из

Пифии или одного из других бастионов. Пыль уже осела на них, скрыв радиационные ожоги и окутав толикой достоинства. Один умер с открытым ртом, теперь заполненным серым порошком, а его обмякшая рука покоилась на раздробленном камне. Пальцы скрючились в дюйме от упавшей лазвинтовки.

Солдаты Имперской Армии умирали так легко. Что такое человек на самом деле, как не мешок с кровью и костями, лопающийся при малейшем давлении? Но видит Император, они могли сражаться. Всякий, кто до сих пор бился в последние часы этой войны, являл собой надлежащее сочетание навыков, упорства и дьявольского везения. Сейчас на счету была каждая винтовка и каждое сердце, которое позволяло её держать.

Теперь, когда понятие линии фронта перешло в разряд вымыслов, это была вражеская территория. За время войны Амит не раз оказывался на территории противника, где видел огромные, вкопанные в землю железные шесты, поддерживаемые подмостями из металлического лома и украшенные мертвецами, а также гордо высящиеся, сооруженные из обломков виселицы, на которых качались трупы казнённых защитников. Солдаты-смертные, гражданские, Астартес - все были опорочены после смерти, их тела оказались прикованы цепями, освежаваны и подвергнуты надруганию дюжиной различных способов. Всё ради того, чтобы привлечь взгляд безумных чернооких богов.

Тут никаких следов осквернения пока не было. Что бы ни убило бегущих мужчин и женщин, оно пришло из ниоткуда. Буквально.

Амит пристально вгляделся в ничто вокруг себя. Движение головы сопровождалось хрустом изношенных соединений доспеха, вызванным смещением сервоприводов. Оно всё еще было здесь. Где-то здесь.

Его внимание привлекло движение: это открывался рот мёртвой женщины. Вверх, прямо меж её челюстей, поднимались длинные сгибающиеся пальцы, а тело смертной сотрясали судороги. Амит подошёл ближе, когда из кучи покрывшихся пылью мертвецов вылезла рогатая тварь, вновь рожденная в реальности. Смерти людей стали для неё дверным проёмом в этот мир.

Трансчеловек и чудовище смотрели друг на друга. Присутствие Амита притягивало демона, ибо существо кормилось гневом, пульсирующим в обоих сердцах космодесантника. Краснокожее создание щерилось, красуясь на своём кургане из убитых. Оно вопило, хлестало языком и трубило о собственном превосходстве. Оно выплёвывало имя Амита на языке, который люди не могли даже надеяться понять.

Всё это космодесантник уже слышал прежде. Он поднял меч и кинжал, медленно вращая их, чтобы ослабить боль в кистях, и зашагал вперёд.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Отголоски_вечности_/_Echoes_of_Eternity_\(роман\)&oldid=21766](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Отголоски_вечности_/_Echoes_of_Eternity_(роман)&oldid=21766)

Эта страница в последний раз была отредактирована 3 декабря 2022 в 03:25.